

САХОНЧИК СТАНИСЛАВ МИТРОФАНОВИЧ

Родился 12 ноября 1949 года в г. Кирове в семье военнослужащих. После окончания средней школы закончил медицинское училище. С 1969 по 1971 гг. служил в Советской Армии. С 1971 по 1977 гг. учился во Владивостокском мединституте, после окончания работал младшим научным сотрудником. Затем поступил судовым врачом на суда обеспечения Тихоокеанского флота. Участвовал в операциях по подъему южнокорейского «Боинга», в разминировании Красного моря, трех боевых службах. С 1986 г. переехал в г. Благовещенск. Работал в ЦГСЭН по Амурской области. С 2007 г. работает в ГАУ «Амургосэкспертиза».

В Амурском казачестве с 1991 г. Член правления Амурского окружного казачьего общества, войсковой старшина. Имеет 4 казачьи награды. Литературной деятельностью занимается с 2003 г., автор нескольких книг, публикаций в СМИ. Член Содружества военных писателей «Покровский и братья» Амурской областной общественной писательской организации. Казачий полковник, член Союза писателей России

ОТ РЖЕВА ДО САНДОМИРА

*Моему отцу и его боевым товарищам
посвящается...*

Разведка боем

Зима 1942 года на Калининском фронте выдалась ветреной и морозной. Февральская метель белым саваном покрывала сожжённые деревни и сёла, завывала в одиноко торчащих печных трубах, заносила сугробами разбитую немецкую и нашу военную технику, неубранные трупы солдат на ничейной полосе.

После победного зимнего контрнаступления под Москвой обескровленные передовые части Красной армии, натолкнувшись на ожесточённое сопротивление гитлеровцев, встали в оборону.

Фронт временно стабилизировался, войска обеих сторон старались зарыться в землю, опоясались окопами и колючей проволокой, сапёры оборудовали блиндажи и дзоты. Войска пополнялись новой и отремонтированной техникой, постоянно подходившие маршевые батальоны пополняли части, понёсшие наибольшие потери в живой силе. Ни для кого не было секретом, что весной будет наступление.

Но на участке первого батальона 175-го стрелкового полка всё обстояло немного не так. В оборону батальона занозой вклинивался опорный пункт немцев, расположенный на небольшом холме с остатками зданий бывшей МТС и превращённый немецкими сапёрами за неделю в настоящую крепость.

Попытки батальона с ходу ворваться на холм на плечах недавно отступавших немцев окончились неудачей и большими потерями. Взвод, ворвавшийся было в немецкую передовую траншею и завязавший рукопашный бой, полёт полностью. Остальным пришлось отступить под массивно-

ванными фланговым пулемётным и миномётным огнём подоспевшего к немцам подкрепления, унося раненых.

Теперь оставалось только углубляться в землю и готовиться к следующей атаке, ибо оставлять немцев в тылу наступающих войск было никак нельзя из-за опасности фланговых ударов. Но и наступать было уже фактически некому — жидкий ручеёк пополнения состоял в основном из возвращавшихся в часть после ранений красноармейцев. Взводами, в которых оставалось по десять-пятнадцать человек, командовали сержанты.

Идти в атаку такими силами против окопавшегося противника было бы самоубийством, поэтому командир полка, невзирая на понукания сверху, не торопился со штурмом, подтягивая отставшие за время наступления тыловые подразделения и пополняя запасы вооружения и боеприпасов.

Полуторку нещадно подбрасывало на разбитой танками колее грунтовой дороги. В кузове между ящиками с патронами, консервами и мешками с крупой сидели пятеро красноармейцев и лейтенант. Капитан — зам по тылу полка — расположился в кабине. Красноармейцы, подняв воротники шинелей, дремали, обхватив руками винтовки. Лейтенант — уже не молодой, лет сорока, — кутаясь в воротник полушубка и положив ППШ¹ на колени, внимательно смотрел по сторонам, запоминая ориентиры. По обочинам дороги валялось много разбитой немецкой техники и повозок, уже заметённых снегом. По сторонам от дороги торчали закопчённые печные трубы, оставшиеся от сожжённых немцами деревень.

Привычная уже картина фронтовых дорог...

Лейтенант Колесников до этого воевал на другом участке Калининского фронта в должности политрука разведроты. Разведывательная бригада, сформированная в Сибири,

¹ППШ-41 - пистолет-пулемет системы Шпагина калибра 7,62-мм, образца 1941 г. В годы Великой Отечественной войны являлся основным оружием пехоты.

попала сразу в гущу наступления. Разведгруппы, направляемые за постоянно изменявшеюся линию фронта, несли большие потери. Сам лейтенант вернулся из последнего поиска с ножевым ранением в шею, потеряв убитыми при переходе линии фронта половину группы. После расформирования своей бригады был направлен в офицерский резерв и недавно получил назначение в первый батальон 175-го стрелкового полка...

Полуторка спустилась в небольшой овраг, подъехала к блиндажам штаба батальона, врытым в склоны и замаскированным сверху, и здесь остановилась, Красноармейцев принял под команду старшина и повёл строем на кухню. Капитан и лейтенант Колесников прошли в блиндаж командира батальона. Открыв заиндевевшую дверь, вошли внутрь. Сразу пахло теплом «буржуйки» и сложным букетом запахов, состоящим из табачного дыма, мокрого шинельного сукна и оружейной смазки.

Комбат, молодой для своей должности парень, лет двадцати пяти, но уже с проседью в чёрных густых волосах, с капитанской «шпалой» в петлицах гимнастёрки и кавалерийских наплечных ремнях, сидел над картой в окружении нескольких лейтенантов и старшего сержанта. На груди капитана висела новенькая медаль «За отвагу».

Колесников представился, комбат дружески пожал ему руку и познакомил с другими командирами. Это были ротные, собранные для совещания. Присутствовал и старший лейтенант — артиллерист, командир батареи 76-миллиметровых полковых пушек, приданной батальону.

— Идёте в первую роту к лейтенанту Макарову, — приказал комбат, ознакомившись с документами Колесникова, — он без политрука уже скоро месяц воюет. А сейчас ознакомьтесь с обстановкой по карте.

Колесников вытащил из потёртой кирзовой полевой сумки новенькую карту, выданную в штабе полка, и вместе

с ротным нанёс условные значки линии обороны и огневых точек.

После короткого совещания у комбата Колесников с командиром первой роты Макаровым на верховых лошадях доехали до расположения роты и прошли в командирский блиндаж. По дороге познакомились, поговорили, кто и где воевал.

Олег Макаров встретил войну старшим сержантом, помкомвзвода. Отступал с боями от самого Минска, попадал в окружение. Полк за это время дважды обновлял состав на переформированиях. Стал командиром взвода после краткосрочных фронтовых курсов младших лейтенантов, уже месяц как командует первой ротой. Прежний ротный убит по ранению.

Сорокалетний Колесников до войны служил на Дальнем Востоке в милиции, в уголовном розыске города Благовещенска. Жена и двое детей жили теперь в Кировской области. Жена работала на оборонном заводе, выпускавшем автоматы ППШ.

— Вот поэтому я с автоматом и не расстаюсь: вроде как от жены привет...

Наспех перекусив разогретой гречкой с тушёнкой, вдвоём направились на позиции, занимаемые ротой.

Прошли по глубокой траншее, осмотрели пулемётные точки и позиции батареи миномётчиков, поговорили с командирами взводов, посмотрели через стереотрубу на позиции немцев.

Там было обманчиво спокойно, изредка короткими очередями постреливал дежурный пулемёт из траншеи боевого охранения, да поднимались дымки от печек в блиндажах.

— Отдыхают, суки. Кофе, наверное, пьют. Ничего, скоро мы вам решку-то наведём... — со злобой произнёс пожилой ефрейтор-наблюдатель.

— Скоро, Мищенко, скоро, — отозвался ротный.

Вернулись в блиндаж. Колесников заметил, что в блиндаже банными вениками попахивает.

— Это ребята баньку полустгоревшую разобрали, да сруб целиком и вкопали, — пояснил Макаров. — Давай отдохнём немного, потом я тебе списки комсомольцев и коммунистов передам. Завтра поговоришь, а ночью пойдёшь посты проверять — твоя очередь.

Так прошёл первый день...

С утра стрельба со стороны немцев усилилась, и наблюдатели заметили, что немцы проводят земляные работы — удлиняют траншеи.

Сменившийся с поста ефрейтор Мищенко и сержант, командир второго взвода, спросив разрешения, вошли в командирский блиндаж.

— Разрешите доложить о данных наблюдения!

— Давай, Мищенко!

— Я так понимаю, товарищ командир, что у немца ночью пересменка прошла или пополнение прибыло.

— С чего решил?

— Ночью шум с их стороны шёл, команды какие-то, железо звякало. И потом с утра пулемёты огонь усилили — и звук у них другой. У прежних-то пулемёты МГ-34² были, я ихний звук хорошо изучил. А сейчас звук вроде нашего «максимки»³ — глуховатый, и темп стрельбы пореже. Похоже на МГ-08⁴, станкач ихний старый, ещё с Мировой звук его помню. И ручные пулемёты на звук тоже другие, вроде и побольше их стало. Да и с утра по нам стрельбу не зря подняли: видать, пристрелку целей ведут. Прежним-то это без надоб-

² МГ-34 - универсальный пулемет системы Маузера калибра 7,92 мм. Применялся в вермахте.

³ "Максим" - станковый пулемет системы Максима калибра 7,62 мм. Применялся в Российской, Красной и Советской армиях с 1905 по 1950 гг.

⁴ МГ-08 - станковый пулемет системы Шварцлозе калибра 7,92 мм. Состоял на вооружении армий Австро-Венгрии и Германии с 1908 г.

ности было... Так что по всем статьям — новые это немцы!

— Понятно. Объявляю вам благодарность! Можете идти отдыхать.

— Служу трудовому народу! — Мищенко неуклюже повернулся через левое плечо и вышел.

— Как думаешь, Колесников, надо бы пленного взять? Ты ж в разведке служил — что скажешь?

— Сейчас не возьмём: немец ещё не успокоился, бдить будет. Да и рядового если возьмёшь — что он скажет? Нужна разведка боем — и огневые точки установить, и контрольных пленных взять... Да только не с кем — в роте шестьдесят пять активных штыков, включая расчёты станковых пулемётов и миномётов. Так что атаковать можно, да только потом обратно в траншею мало кто вернётся. А там немцев наверняка не меньше полной роты с пулемётами. В общем, в любом случае нужно дополнительное усиление.

— Резонно! Сейчас доложу комбату по телефону в штаб. Останешься за командира.

Вечером, затемно, Макаров вернулся — и не один. На двух ЗИСах прибыла неполная рота из морской стрелковой бригады, направляемой в тыл на переформирование. Командир полка договорился, что моряков временно придадут для проведения разведки боем. С ними был и санинструктор с двумя боевыми санитарями. Морские стрелки были отлично вооружены: почти у всех — автоматы ППШ, самозарядные винтовки СВТ-40⁵, ручные пулемёты Дегтярёва, гранаты. Кроме того на рысях подошли конные упряжки с двумя орудиями — 76-миллиметровыми «полковушками», — правда, в передках у них было всего по десятку осколочно-фугасных снарядов.

В блиндаже ротного сразу стало тесно от командиров. Скинув полушубки и шинели, все расселись возле стола с картой. Макаров ставил задачу розовощёкому лейтенанту,

⁵ СВТ (СВТ-40) - самозарядная винтовка системы Токарева калибра 7,62 мм. с клинковым штыком.

командиру моряков:

— На рассвете быстро выскакиваете из траншеи и бегом — к окопу боевого охранения немцев. Лучше без шума, до первых выстрелов. Врываетесь в окоп, уничтожаете немцев, берёте пленного, подхватываете раненых — и быстро обратно. Далеко не зарывайтесь: неизвестно, сколько их там. Гранат Ф-1⁶ побольше возьмите, РГД⁷ оставьте здесь. По выявленным огневым точкам противника ведут огонь станковые пулемёты, наша миномётная батарея и два орудия. Моя рота поддерживает вас огнём, не выходя из траншей. Второе отделение младшего сержанта Грошева в маскхалатах, с двумя «дегтярями»⁸, за час до рассвета выходит незаметно из траншеи и ползком, по руслу ручья, заходит на левый фланг. С началом атаки открывает пулемётный огонь, отвлекая немцев. С правого фланга вторая рота тоже демонстрирует атаку.

— Теперь — артиллеристам... — продолжал Макаров. — Выкатить пушки на прямую наводку, по два снаряда на пристрелку, и вести беглый огонь по второй траншее и пулемётным точкам, пока снаряды не кончатся. Санитарам подбирать раненых, санинструктор остаётся в траншее. Развернуть перевязочную в блиндаже второго отделения. Раненых отправим в тыл на машинах... На этом всё! Командиры расходятся по подразделениям и инструктируют красноармейцев, проверяют оружие и боекомплект. Лейтенант Колесников соберёт коммунистов. Комбат прибудет в три часа и примет командование. О готовности доложить ему.

Все молча вышли из блиндажа и быстро разошлись по траншее.

⁶ Ф-1 - ручная граната осколочного действия ("лимонка") - наиболее распространенный вид ручной гранаты в РККА и Советской армии.

⁷ РГЛ (РГД-33) - ручная граната образца 1933 г. Из-за сложности в обращении вскоре была снята с вооружения.

⁸ "Дегтярь" - ручной пулемет системы Дегтярева (ДП-27) калибра 7,62 мм, основное оружие усиления в пехотном отделении.

К прибытию комбата все были готовы. Отделение Грошева с вещмешками, набитыми пулемётными дисками, уже вышло: ползти им по руслу ручья ещё почти час.

Колесников зашёл в блиндаж к морякам. Они деловито переодевались в форменки и бушлаты, доставали из вещмешков бескозырки с названиями своих бывших кораблей. Моряки были в основном с Балтики и из охраны Наркомата ВМФ.

Мрачный лейтенант сидел в кителе со свежим подворотничком и золотыми шевронами на рукаве и курил трубку. На груди — две полоски о ранениях. В руках задумчиво вертел кинжал. Все моряки были с ножами на поясах и заточенными сапёрными лопатками. На винтовки уже примкнуты плоские штыки.

— Не беспокойся, политрук, всё сделаем быстро и в чистом виде. В декабре под Белым Растом огнём крещены, с тех пор из в боев не выходим... Дадим прикурить немчуре напоследок! — И лейтенант скомандовал своим:

— Ну всё — выходим! Попрыгали! Чтоб ни у кого не брякнуло до времени... И ещё: никому не ложиться — лично пристрелю...

Комбат уже нервно переминался в окопе ротного КП возле стереотрубы. Сюда же были подведены телефонные линии до штаба полка. Вся рота, положив винтовки и пулемёты на бруствер, застыла в ожидании команды.

Комбат, посмотрев на часы, молча махнул рукой. В ту же минуту из траншеи бесшумно рванулись моряки, слышен был только скрип снега и удаляющиеся быстрые шаги. До окопа немецкого боевого охранения было метров около ста — матросы пролетели это расстояние по мелкому снегу за считанные минуты. Хлопнуло несколько винтовочных выстрелов, начал стрелять, но быстро заткнулся ручной пулемёт. В окопе шёл рукопашный бой. Слышался только мат, тупые удары прикладов и крики «полундра!».

Проснулась и первая траншея немцев, оттуда застрочил станковый пулемёт и раздались нестройные одиночные выстрелы.

Яростная «полундра!» катилась уже прямо на первую траншею, матросы падали убитыми и ранеными, но упрямо рвались вперёд. В траншее у немцев уже слышались взрывы первых гранат.

Пушки и миномёты, сделав несколько залпов, замолчали — можно было поразить своих.

Комбат, страшно матерясь, оторвался от стереотрубы:

— Что делают, что делают! Побьют ведь всех!.. Макаров, поднимай роту!

— Рота! Примкнуть штыки! Вперёд!

И рота нестройной цепью выплеснулась из траншеи и побежала на холм. А там уже гремели взрывы гранат, автоматные очереди и шёл рукопашный бой в траншее и блиндажах.

— Колесников! — крикнул комбат. — Бери миномётчиков — и туда же!

И расчёты бесполезных теперь миномётов тоже кинулись в бой.

Колесников, перепрыгнув через заваленный трупами окоп боевого охранения, бежал впереди миномётчиков к первой траншее. Там уже всё было кончено — бойцы добивали оставшихся немцев, кидали гранаты в блиндажи. Ротные пулемётчики без команды катили уже свои «максимы» на холм, с флангов доносилось «ура» второй роты и густая пулемётная стрельба отделения Грошева.

И немцы дрогнули! Они стали вначале организованно, огрызаясь огнём, отходить из второй траншеи по направлению своих позиций — к соседнему опорному пункту, откуда уже летели немецкие мины. Однако в чистом поле снег сыграл с немцами плохую шутку: в свете разгорающегося дня они были видны, как мухи в сметане. Подоспевшие «максимы» довершили разгром — мало кто ушёл живым.

Макаров с телефонистом и ординарцем в присутствии комбата уже обживались в немецком блиндаже. Праздновать победу было ещё рано — надо было собрать раненых и трофейное оружие, похоронить убитых, поправить окопы, накормить бойцов.

— Товарищ политрук! — Колесникова кто-то дёрнул за рукав полушубка. Позади стоял пожилой мичман в форменке и фуражке, зябко кутаясь в окровавленную немецкую шинель.

— Мы сейчас уходим. Вы уж там похороните наших отдельно. И лейтенанта тоже — убили его ещё внизу, в окопе. Хороший был парень и командир отличный. Ребята озлобились и кинулись дальше...

— Хорошо! Сделаем всё как надо.

Уцелевшие моряки погрузились в одну машину, в другую бережно положили раненых, укрыв шинелями. Подцепив орудия к передкам, ушли конные упряжки артиллеристов, так и не дострелявших свои осколочно-фугасные снаряды.

Проводив моряков, Колесников вернулся на холм, в новый уже ротный КП, около которого складывали в кучу трофейное оружие. Старый солдат Мищенко был прав: станковые пулеметы МГ-08 на неуклюжих треногах и чешские ручные пулемёты «Ческа збройовка»⁹ с магазином наверху тут присутствовали.

Возбуждённый победой, сияющий Макаров вместе с комбатом рассматривал на столе немецкие документы и карты.

— Знаешь, часть эта формировалась в Австрии и прибыла сюда прямо с колёс. Так что необстрелянные нам немцы достались. Но моряки-то, моряки как себя показали!..

Лейтенант Колесников, который начал воевать ещё в 1920 году с поляками, не находил особых причин радоваться. За какую-то малую высотку положили столько молодых и здоровых людей. А сколько этих высоток ещё будет...

⁹ "Ческа збройовка" (ZB-26/30) - легкий ручной пулемет системы Холека. Выпускался в Чехии для Вермахта.

Моряков похоронили вместе с их командиром. Дали залп из винтовок. На могильном холмике поставили пирамидку, сколоченную из снарядных ящиков. На неё прибили бескозырку, и налетевший ветер уже трепал её ленточки с якорями. Наконец прибыло пополнение, и рота снова стала полнокровной.

В вечерней сводке Совинформбюро голосом Левитана прозвучало, что на Калининском фронте шли бои местного значения. Война была ещё впереди.

Для замполита стрелкового батальона Колесникова война закончится после тяжёлого ранения в августе сорок четвёртого на Сандомирском плацдарме.

Во второй батальон не прибыл...

118-я стрелковая дивизия, недавно прибывшая с переформирования после боёв под Тирасполем и Яссами и проделавшая большой марш из Молдавии в Польшу, была сразу переброшена на Сандомирский плацдарм. Её полки вели ожесточённые бои с отчаянно сопротивлявшимися немцами, то и дело отбивая контратаки и переходя в наступление. Потери в наступлении были большими, в стрелковых батальонах уже оставалось немного больше половины списочного состава. Резервы таяли. Маршевые роты в дивизию хотя и подходили, но сразу же направлялись в бой.

Поздно вечером лейтенанта Колесникова вызвали в политотдел дивизии. Наконец-то закончилось его затянувшееся после госпиталя вынужденное пребывание в офицерском резерве, закончились постоянные перемещения то в учебный батальон, то в гаубичную батарею и нескончаемые дежурства по штабу.

Только недавно отбили немцев, переправившихся через Вислу и пытавшихся отрезать наш плацдарм от переправ.

Ожесточённые бои шли два дня, 13 и 14 августа 1944 года. Сводный батальон резерва, где Колесников временно был замполитом, несколько раз ходил в атаки, четырежды попал под огонь немецкой тяжёлой артиллерии и отбил атаку роты «пантер», бивших прямой наводкой по их окопам.

Помогли штурмовики «Ил-2» и «катюши», нанёсшие массированный удар по наступающим танкам и пехоте. Немцев отбросили за Вислу, мало кто из них ушёл.

Зам начальника политотдела дивизии, седой как лунь подполковник Ямщиков, знавший его ещё с Калининского фронта, сказал:

— Ну что, Колесников, кончились твои «посиделки». Идёшь в 527-й полк, к майору Крюкову — у него замполит во втором батальоне, капитан Мостовой, выбыл вчера по ранению. Повезёшь с собой партбилеты, отдашь на месте парторгу полка, капитану Зеленину. Сейчас возьми предписание — и на переправу. Там колонна с боеприпасами через час в полк пойдёт, с ней и доберёшься. Мы сами завтра-послезавтра тоже на плацдарм перебазируемся... Всё, лейтенант, давай. Не подведи...

Лейтенант хорошо помнил капитана Мостового по встречам на совещаниях, последний раз виделись в местечке Луковец под Львовом, ещё в июле. Жаль, хороший мужик, ладно хоть живой остался.

Ямщиков пожал руку на прощание и отвернулся к телефону.

Лейтенант, прихватив вещмешок, шинель и полевую сумку, наскоро попрощался со знакомыми штабными офицерами и побежал на переправу через Вислу.

Там уже стояла колонна «студебеккеров», гружённых боеприпасами и готовых к отправке. Через полчаса они уже медленно двигались по прогибающейся под колёсами понтонной переправе. Хотя немцев отогнали довольно далеко, переправы ещё были в зоне действия огня немецкой дальнобойной артиллерии с флангов, и столбы воды то и дело взле-

тали на реке. Дня не проходило, чтобы сапёрам не приходилось сращивать настил и менять понтоны. Над переправой барражировали наши истребители, время от времени вступая в бои с немецкими пикирующими бомбардировщиками «Ю-88», пытавшимися днём и ночью прорваться к переправам под прикрытием

«мессершмиттов» и «фокке-вульфов».

По обоим берегам почти колесо к колесу стояли зенитки — целый лес стволов, задранных в небо. Днём переправы закрывались дымом, машины и танки едва ползли. По серой и мутной Висле сверху густо плыли трупы наших и немецких солдат, вздувшиеся лошадиные туши, а также снарядные ящики и прочий хлам, — немцы непрерывно пытались заблокировать плацдарм.

Сапёры на лодках всё это вылавливали, не давая подплыть к бонам заграждения. Поток машин, танков, самоходок, обозных фур и пехотных колонн не прекращался ни днём, ни ночью — с плацдарма готовилось наступление, накапливались силы, которых прожорливый фронт требовал ещё и ещё.

За колонной пристроились две самоходки СУ-76, шедшие из ремонта, дальше шла колонна «студеров» с зачехлёнными приземистыми длинноствольными противотанковыми 100-миллиметровыми пушками. У солдат, сидевших на снарядных ящиках, на рукавах гимнастеров были нашиты чёрные ромбы со скрещёнными стволами — отличительный знак противотанкистов.

Сержант, сидевший рядом с Колесниковым в кабине, почтительно сказал:

— ИПАТ¹ пошёл. Отчаянные ребята — танки на прямой наводке лупят. Насквозь «тигру» прошибают. Но долго не живут.

— А кто на передке-то долго живёт? Оттуда, брат, две дороги — или в Наркомздрав, или в Наркомзем, — откликнул-

¹ ИПАТП - истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

ся шофёр.

Лейтенант не стал прерывать разговора, сделав вид, что дремлет, — такие разговоры ему, по долгу службы, нужно было пресекать, хотя сам он был с шофёром вполне согласен. Он находился на «передке» уже третий год, несколько раз за это время был ранен. И не один раз видел, как хороших бойцов за такие разговоры отдавали под трибунал и загоняли в штрафную роту. И хорошо знал, что после атаки от ещё недавно полной роты в живых остаётся в лучшем случае больше половины старого состава, а пополнение — стораёт как солома. А ему выпадает горькая участь писать «похоронки».

Колонна медленно вползла на берег, регулировщики сноровисто разогнали машины по направлениям. Лейтенанта подбросили прямо к штабным блиндажам полка. Судя по добротности и глубине, они были построены ещё немцами. Тарахтел трофейный движок, и в блиндажах было светло от ламп.

Молодой, но уже с сединой, майор Коростелёв, начальник политотдела 527-го стрелкового полка, бегло проверил документы и предписание. На карте показал дислокацию полка и батальонов, прочитал вслух последние политдонесения.

— Вот смотри, у соседей в 220-м гвардейском полку комроты лейтенант Бурба с двенадцатью солдатами, оставшимися от роты, отбил три атаки и продержался до вечера. В утренней танковой атаке подорвал лично один танк и бросился со связкой гранат под гусеницы другого. То же сделал и рядовой его роты Хлюстин. Обоих к Герою представили, посмертно. Отчаянно дерутся люди, себя не жалеют.

Потом вдруг поинтересовался:

— Непонятно, Колесников, воюешь вроде давно, училище политическое вон закончил, а для лейтенанта вроде как и староват, под сорок уже. Кем до войны-то был?

— В милиции служил, на Дальнем Востоке, в Благовещенске. Зам начальника РОВД, две «шпалы» носил, майор.

— А как на фронт попал?

— Да как обычно — добровольцем, в сорок втором году. Формировались в Сибири. Начал сержантом в разведке, подо Ржевом, на Калининском фронте. Там и ранили в первый раз. По выздоровлении — курсы политсостава, потом — политруком разведроты 91-й особой разведывательной бригады. Потом опять ранило, после вот в училище послали. Оттуда — на Третий Украинский фронт.

— Ну, раз так — батальон потянешь. Комбат-два майор Ремняк — мужик опытный, с сорок первого на фронте. Народ там разный, много — из ранее оккупированных местностей. Есть и из партизан. Но дерутся нормально, настроение боевое. Вчера вот две контратаки танков отбили. Уже, было, первую линию окопов фрицы прорвали, до рукопашной дело дошло. Но выбили мы их из окопов и с полкилометра ещё гнали... Танков и самоходок у немца здесь много, «пантеры» в основном, в лоб их взять трудно, да и пехота попаласть настырная — панцергренадеры, вроде. Но наложили их немало, завтра на поле сам увидишь. Да и танки почти все пожгли иптаповцы, хоть и самих повыбило. Соседи наши тоже хорошо продвинулись, так что гоним гадов... Заявлений в партию много, да не всем и билеты сможем вручить. Гибнут люди. Заметь, Колесников, лучшие гибнут.

Коростелёв помолчал немного.

— Сейчас скажи дежурному, чтоб покормили, и в блиндаже рядом до утра отдохнёшь.

И передал лейтенанту карту и пакет для комбата.

— Сегодня уже поздно, пойдёшь завтра с рассветом. С тобой в батальон пойдёт взвод из пополнения, две повозки с боеприпасами, да артиллеристы из ремонта «сорокапятку» повезут. Дорога известная, вроде бы близко, но малыми группами, особенно по ночам, не ходим — сплошной обороны пока нет, только опорные пункты. Наступаем, окопы нормальные рыть некогда, вот немцы и шастают — разведчики, да ещё недобитки всякие к себе пробираются. Связь

режут, мотоциклистов перехватывают. Вчера повозки с ранеными обстреляли. Так что бдительности в дороге не теряй. Захвати газеты и почту в батальон — возьмишь у дежурного. Ночью в батальон подойдёт маршевая рота и два взвода танков. Подвезут боеприпасы, два боекомплекта. Утром, при поддержке полковой артиллерии, — вперёд. Так комбату на словах передай — приказ на наступление пока пишут.

Лейтенант козырнул и вышел из блиндажа. Несмотря на ночь, фронт жил своей беспокойной жизнью — где-то постреливали пулемёты, размеренно била из-за Вислы наша корпусная артиллерия, в небе гудели ночные бомбардировщики. Он нашёл дежурного по штабу, передал распоряжения, поужинал и, положив под голову вещмешок, вздремнул на нарах.

Дневальный разбудил лейтенанта через три часа. Возле склада уже выстраивалось в две шеренги пополнение, стояли две повозки и упряжка с «сорокапяткой». Зевающие артиллеристы сидели на зарядном ящике. Кони, опустив головы в торбы с овсом, с хрустом жевали и звенели удилами.

Пополнение было частью из маршевиков² (их можно было отличить по новому обмундированию, противогазам и ботинкам с обмотками) и бывалых солдат, выписанных из медсанбата, разношёрстно одетых и в трофейных сапогах. Каски были только у маршевиков. Лейтенант коротко объяснил задачу, назначил помощником старшину Ибатуллина. Проверили оружие, патроны. На повозке были два ручных пулемёта ДП, ротный миномёт, разобранный «максим», несколько ящиков с автоматами ППШ в смазке. На другой — цинки с патронами и ящики с гранатами. Себе Колесников, по совету старшины, прихватил ППШ и три недавно появившихся в войсках секторных магазина-«рожка» на тридцать патронов, затолкав их за голенища на немецкий манер. «Рожок» был удобнее, ловчее: диски от ППШ набивать было канительно — пружина часто вылетала, — хотя семидесяти

² *Маршевики - военные, отправляемые в действующую армию для ее пополнения.*

патронов хватало надолго.

На рассвете маленькая колонна тронулась в путь по разбитой гусеницами и колёсами грейдерной дороге, огибая воронки. Путь был недалёкий — километра четыре. На карте значились две рощи (от которых мало что осталось) и ручей. Кругом были следы недавно прошедших боёв — стояли подбитые и сгоревшие немецкие танки, было несколько наших вдребезги разбитых «тридцатьчетвёрок» — остальное, пригодное к бою, железо уже уволокли на тягачах ремонтники. Вдали окапывалась батарея гаубиц.

Судя по тому, как густо стояли немецкие танки и бронетранспортёры, они попали под удар штурмовиков и противотанковых пушек «иптаповцев». Пушки, разбитые и раздавленные гусеницами, виднелись в неглубоких окопчиках. наших солдат уже успели похоронить, немцы ещё лежали вразброс по всему полю. От танков тянуло тяжёлым запахом окалины и горелого мяса. Прямо у дороги в кювете лежал на боку немецкий полугусеничный штабной бронетранспортёр «Ганомаг», насквозь прошитый пушками штурмовика.

Судя по закрытым люкам, из него никто не успел выбраться. От недалеко стоявшего штурмового орудия остались одни гусеницы и лохмотья корпуса с закопчённым крестом, — видно, сдетонировал боекомплект.

Солдаты из пополнения подавленно озирались по сторонам, глядя на трупы, слышен был только скрип колёс повозок, да что-то перекатывалось в зарядном ящике. С недалёкой передовой доносилась пулемётная стрельба, гулко ухали батальонные миномёты, — наверное, немцы опять атаковали. Начала стрелять и немецкая артиллерия, снаряды бесприцельно ложились по всему полю, поднимая фонтаны грязи и обломков. Пришлось залечь и переждать артналёт.

В небе послышался завывающий гул немецких «юнкеров», шедших клином на бомбёжку переправ в сопровождении эскадрилий юрких «мессеров». Навстречу им кинулись наши «яки» и «лавочкины», и в рассветном небе, покрытом

мелкими облаками, завязалась ожесточённая схватка. Были на форсаже моторы, слышался приглушённый стрёкот авиационных пушек, вспыхивали факелы падающих самолётов. «Юнкерсы», освобождаясь от бомб, разворачивались назад, отчаянно отстреливаясь из бортовых пулемётов.

Несколько из них уже дымились.

— То-то, суки! Это вам не сорок первый! — радостно орали артиллеристы.

Неожиданно из облаков со снижением вывалился подбитый «Юнкерс-88». Один его мотор дымил, из пробитых баков тянулся белый шлейф бензина, закрылки и колёса были выпущены, — очевидно, хотел сесть на вынужденную. Но следом вырвался «Ла-5» и, всадив в него длинную трассирующую очередь из пушек, вновь исчез в облаках, победно взревев мотором. «Юнкерс» вспыхнул, из него посыпались обломки, он по крутой дуге с воём врезался в землю. Громыхнул взрыв. Над полем повисли два парашюта.

Солдаты радостно заорали и кинулись к снижающимся парашютистам, которых несло прямо на недалёкую рощу.

И тут из рощицы слышались пулемётные и автоматные очереди. Трёх солдат срезало сразу, остальные попали на землю, защёлкали затворами, открыли беглый огонь вслепую по роще. Лейтенант сразу понял — это и есть недобитые фрицы, что остались от вчерашней атаки. Хотели, видать, отсидеться и прорваться к своим, да не успели.

— Ибатуллин! Повозки и лошадей в кювет, пушку на прямую наводку. Командира расчёта ко мне. Всем в цепь, вести огонь по роще. Осмотреться, выяснить, сколько там немцев...

Сам достал бинокль и посмотрел на рощу. Судя по вспышкам выстрелов, немцев было немного, человек пятнадцать при двух ручных пулемётах МГ-34. Фрицы были сборные — в кустах и между деревьями мелькали чёрные шлемы и куртки танкистов, пятнистые плащ-палатки и каски панцергренадеров, комбинезоны лётчиков.

Подползли усатый сержант-артиллерист и старшина Ибатуллин.

— Осколочные снаряды есть? — спросил лейтенант.

— Штук десять. Остальное — болванки бронебойные. Мы же с собой много не возим, остальное на батарее.

— В общем, так, сержант. Бей осколочными по вспышкам, гаси пулемёты. Кончатся осколочные — бей болванками, не давай им головы поднять. Окопаться они не успели, да и патронов у них маловато для боя, на себе-то много не утащишь... Ибатуллин! Берёшь пять человек, обходишь перебежками справа, я пойду в охват слева. Одно отделение на дороге двумя пулемётами пусть прижимает фрицев, патронов не жалейте. Если что — берите цинки с повозки.

Лейтенант с пятью солдатами из бывалых перебежками от воронки к воронке побежали в обход рожицы. Рассредоточились и открыли огонь из автоматов и двух карабинов. В ответ над головами запели пули. Лейтенант, целясь по вспышкам, высадил уже пару магазинов в дымную мешанину от разрывов снарядов, вставил в автомат последний, тщательно прицелился в мелькнувшую за деревом чёрную фигурку танкиста. Над правым ухом свистнула пуля, по голове потекло горячее. Скатился на дно воронки, ощупал голову — царапина, но ладонь в крови. Пуля прошла вскользь по коже, вырвала кусок из края погона, зацепила ухо. Вроде маленькая ранка, а кровила изрядно.

— Да, невесело, — подумал он. — Ещё бы немного — и хана мне. В сорок втором в шею попали, теперь вот в ухо.

Вспомнился вдруг брат жены, Костя Дрондин, водитель броневика на финской, и его матерные частушки, что привёз с той войны, с припевом: «Прощай, мама, прощай, папа, здравствуй, Кирка Кивеннапа!» Еле унёс Костя ноги из окружения под Выборгом, на ухе тоже был шрам, да и задница поморожена.

Наспех замотал голову бинтом из индивидуального па-

кета, поверх натянул пилотку. Выскочил из воронки и побежал к следующей, на бегу длинными очередями отстрелял последний магазин. В воронке ничком лежал убитый солдат-узбек из его группы. Запомнился по франтоватым, низко намотанным английским обмоткам. Отложил в сторону бесполезный теперь автомат, вытащил из кобуры надёжный, пристрелянный наган довоенного выпуска. Он предпочитал его пистолету ТТ и даже «парабеллуму». Привычная тяжесть в руке успокаивала.

Высунулся из воронки, огляделся.

В роще сверкали разрывы снарядов «сорокапятки», летели щепки, слышались стоны и крики, огонь немцев заметно поутих. Пулемётов уже не было слышно. С другой стороны рощи огонь усилился, по звуку — наши автоматы. Значит, старшина Ибатуллин не подвёл.

Лейтенант окликнул своих. Из ближайших воронок откликнулись четверо.

— Давай, ребята! Вперёд!

Поднялись и, пригибаясь, стреляя короткими очередями, пошли.

Лейтенант не стрелял, патронов в нагане было мало, берёт для рукопашной. С другой стороны рощи уже слышалось жидкое «ура!» группы Ибатуллина.

— Вроде наша берёт, — едва успел подумать лейтенант, как земля ушла из-под ног и страшная боль в левом бедре выбила его из сознания.

Очнулся уже на тряской санитарной повозке по дороге в медсанбат. Обе ноги и голова были перевязаны. Ноги не двигались.

— Всё, отвоевался, — успел подумать он, снова проваливаясь в спасительное беспамятство.

Уже в палате медсанбата к нему пришёл легко раненный старшина Ибатуллин, принёс его полевую сумку, вещмешок и рассказал, как кончился тот бой.

— Немцев выбили из рощицы и почти всех положили в

открытом поле. Половина из них были офицеры и унтеры. В плен сдались только двое раненых.

Лётчиков с «юнкерса» взяли без сопротивления. На шум боя из полка прислали взвод конных разведчиков, те прочесали всю округу, нашли ещё две группы немцев, прятавшихся по блиндажам, взяли в плен, те даже и не стреляли, сразу «хенде хох».

— Разведчики тебя и довели на коне до санроты, крови ты много потерял. Автоматчика, что тебя срезал, тут же ребята и кончили. Фельдфебель был, танкист, с крестом... Давай поправляйся, а нам ещё надо на Берлин топать. Завтра опять наступаем.

Попрощались трогательно, хотя знали друг друга всего несколько часов, — на фронте время течёт по-другому...

Дальше начались уже привычные за войну скитания по поездам и госпиталям. Сначала эвакогоспиталь в городе Джаско, потом местечко Ланцуг, Львов, Проскуров. Раны в бедре чистили, они заживали плохо, держалась температура, и он часто терял сознание на перевязках. Еле отстоял ногу от ампутации. Из Проскурова санитарным поездом привезли на поправку в Кисловодск, в бывший санаторий Центросоюза.

Там его догнали письма от жены из Вятских Полян, целая пачка. Жена писала, что дети здоровы, что работает по-прежнему в санчасти оборонного завода, любит и ждёт. Здесь же, в санатории, его нашли и награды — ордена Красного Знамени и Красной Звезды, «ходившие» за ним ещё с Калининского фронта. Здесь встретил День Победы. Отсюда и демобилизовался в августе сорок пятого.

Так окончилась Великая Отечественная война для лейтенанта Дмитрия Колесникова.

Когда он, худой, с палочкой и тощим «сидором», где были немудрящие гостинцы, появился в дверях родного дома, когда на нём повисла плачущая от радости жена и двое подросших и тоже ревущих пацанов, только тогда он ощутил,

что выжил в этой войне. И заплакал...

Он не выслужил на фронте больших звёзд, оставшись лейтенантом. Он просто честно прошёл в пехоте всю войну и остался жив. Это и было главным его завоеванием.

Слава ещё мальчишкой любил перебирать в шкатулке, сделанной для матери пленными немцами, отцовские награды, парадные погоны капитана МВД (отец дослуживал во внутренних войсках до 1954 года), примерял его китель. У него, как у всех уважающих себя пацанов в леспромхозовском посёлке, было много всяких военных вещичек — в тайнике под крыльцом дома лежали трофейный фонарик «Даймонд» с разноцветными стёклами, кобура от «вальтера», ржавый корпус «лимонки», ещё более ржавый наган без барабана и куча позеленевших стреляных гильз и винтовочных патронов, выкопанных на местах боёв Гражданской войны. Они с приятелем Костей часто играли с пацанами в войну, и даже рыли в лесу окопы. Правда, вот немцами никто быть не хотел.

Отец скупно и неохотно рассказывал о войне, и только несколько раз — после Дня Победы, после встречи с такими же фронтовиками (тогда это были ещё молодые и крепкие мужики) — Слава услышал несколько его историй. Прихрамывал он до конца жизни.

Однажды мать достала из папки с отцовскими военными документами бережно завёрнутый в целлофан старый, побитый молью суконный офицерский полевой погон с малиновым выцветшим кантом и двумя потускневшими звёздочками. На погоне были видны какие-то бурые пятна, и с края был вырван кусок. Она и рассказала Славе эту историю.

Много позже, когда Слава уже служил в армии, прицеливаясь на стрельбище из автомата в мишень, он ощутил прикосновение изогнувшегося погона гимнастёрки к правому уху. И похолодел, вспомнив отцовский шрам и тот залитый кровью лейтенантский погон. Как близко отец был от смер-

ти... А чуть бы левее — и его, Славы, тогда не было бы вообще.

И теперь, увидев на улице седого ветерана с медалями на пиджаке, он всегда вспоминает своего отца. Его и тех его боевых друзей из посёлка уже давно нет в живых. А отцовские награды и погоны в старой семейной шкатулке перебирает с горящими глазами Славин сын — внук того лейтенанта.

Лейтенанты из сорок четвёртого...

В нашу больничную палату, вежливо поздоровавшись, вошёл седой пожилой мужчина невысокого роста с удивительно молодыми глазами. Сестра показала ему на койку рядом со мной, он положил немудрёные пожитки в тумбочку, представился и, увидев у меня в руках книгу Бунича «Операция «Гроза», сразу спросил:

— Историей войны интересуетесь?

Я ответил утвердительно, и мы, лежа под капельницами, как-то незаметно разговорились. То, что он рассказал о войне, меня поразило своей правдивостью и глубиной восприятия, это была та самая «окопная правда», которая всегда у нас подразумевалась между строк и которую никогда не напишешь, если сам это не прочувствовал на себе.

Восемнадцатилетним парнишкой, после окончания ускоренного курса Владивостокского пехотного училища, в новенькой офицерской шинели со скрипящими ремнями и двумя «кубарями» в петлицах, он попал на фронт зимой 1942 года. Шли ожесточённые бои под Ржевом, получившие в армии меткое и горькое название «Ржевская мясорубка».

Впоследствии подсчитали, что там, в лесах и болотах, полегло свыше полутора миллионов бойцов — больше, чем под Сталинградом.

Приняв под командование взвод, он, едва успев ознако-

миться со списком солдат и своими отделёнными сержантами, получил приказ на рассвете идти в наступление. Из всего своего первого боя он запомнил только то, как вылез на бруствер окопа и взмахнул пистолетом. Дальше удар в голову и темнота. Очнулся в траншее уже вечером, присыпанный землёй, когда его раскапывали санитары. Нестерпимо болела голова, шла кровь из ушей, но он был жив — спасла каска, одетая на шапку, отделался контузией.

Вокруг не было никого из живых бойцов взвода. Санитары под руки повели его на перевязочный пункт, мимо груды валенок, касок, шапок и полушубков, снятых с убитых. Рядом уже был свеженасыпанный холм братской могилы.

— Повезло тебе, лейтенант, а вот почитай вся твоя рота полегла, да и от батальона мало кто остался. Кого в Наркомздрав, а большинство в Наркомзем определили, — сказал один из пожилых санитаров.

Дальше был госпиталь, запасный полк, снова бои и снова госпиталь. Бесконечная череда наступлений, отступлений, крови и смерти. Ненависть к врагу и горечь потерь.

Свой последний бой он принял под Витебском, когда его рота, преследуя отступавших немцев, попала под миномётный огонь и, понеся большие потери, залегла. Тогда он, отодвинув тело убитого наводчика, сел за «сорокапятку» и, плача от злости, стал стрелять из орудия по отступавшим немцам, тёмные фигуры которых хорошо виднелись на заснеженной стерне.

Он заряжал, наводил и стрелял, пока разорвавшийся рядом снаряд не перевернул орудие и не отшвырнул его прочь. Тяжёлое осколочное ранение в живот, долгое лечение в госпитале, и в 1944 году перед списанным «подчистую» офицером встал вопрос: как жить дальше? Его ведь учили только воевать, и он, шагнув в войну со школьной скамьи, больше ничего не умел.

И он решил учиться. В приёмной комиссии юридического института сначала даже не хотели брать документы: уж

очень он был молод — не было ещё и двадцати. Так он стал юристом и всю жизнь проработал в органах прокуратуры.

Ветеран замолчал, в палате ещё долго стояла тишина. Война затронула всех, и у каждого в семье были свои счёты к ней.

Я, слушая его рассказ, вспоминал своего отца. Их биографии, при всей разнице, были в чём-то схожи.

Оба пошли на фронт зимой 1942-го и оба закончили войну по ранению в 1944 году.

Отец пошёл на фронт уже зрелым мужчиной, в 39 лет, из милиции Пограничного района Благовещенска, повоевавши ещё в Гражданскую с поляками. Попал в 91-ю особую разведывательную бригаду, формируемую в Сибири. Из первого же поиска разведгруппа вернулась в половинном составе, с двумя «языками», и вынесла раненного в шею отца. После госпиталя и курсов политсостава он попал на Калининский фронт замполитом стрелковой роты.

Отец, как и большинство фронтовиков, очень редко рассказывал о войне и не любил, когда его об этом расспрашивали. Но один из эпизодов, который он рассказал на встрече с друзьями-фронтовиками на 20-летие Победы, я невольно подслушал и запомнил...

Их поредевший после атаки батальон, наспех окопавшись, встал в обороне перед заснеженной высоткой, занятой противником. Солдаты в неглубоких окопах мёрзли в тонких английских шинелях и ботинках с обмотками и ждали наступления.

По данным разведки, немцев недавно сменили австрийцы. Они сразу же поменяли расположение огневых точек и стали глубже зарываться в землю.

Командование полка решило выбить их с господствующей высоты и для выявления системы огня распорядилось провести разведку боем. Для этого из резерва прислали роту морской пехоты. Моряки пришли уже перед рассветом, их командир, молодой розовощёкий старший лейтенант, уточ-

нил у комбата время и направление атаки. Вооружены они были очень хорошо — самозарядные винтовки «СВТ», автоматов и ручных пулемётов было больше, чем во всем батальоне. Были они и с погибших кораблей, и из охраны наркомата ВМФ, и из береговых частей.

На рассвете матросы, сбросив шинели и вещмешки, надели бескозырки и, примкнув штыки к «самозарядкам», по свистку боцманской дудки в полный рост бросились вперёд. Бежали молча по неглубокому снегу, пока немецкая оборона не оцетинилась огнём. Тогда и прозвучало яростное «полундра». Но матросы, отчётливо, как мишени, видные на белом снегу, падали и падали, скошенные пулемётным огнём.

По засечённым целям противника била полковая батарея, батальонные «сорокапятки» и миномёты, но цепь моряков всё редела и редела. Поле перед высоткой покрылось чёрными бугорками. Солдаты, сжав зубы, ждали сигнала. Командир полка, видя с КП эту картину, дал команду атаковать. Батальон дружно поднялся и с ходу, на одном дыхании, выбил противника и занял высоту.

Уйти из австрияков не удалось никому — пленных в том бою не брали. От моряков остались целыми только пять человек. Много было тяжелораненых. В опустевшей траншее сиротливо лежали чёрные шинели, шапки и вещмешки.

Матросов, вместе с лейтенантом, похоронили отдельно, приколов к столбику с жестяной звездой. Отец, рассказывая это, с повлажневшими глазами говорил:

— Как сейчас вижу: белый снег, следы пунктирами и в конце — чёрная точка. Много точек. Знали ведь, что на верную смерть шли!

Какие тогда люди были...

Его самого легко ранило уже на следующий день, когда немцы пытались отбить высотку. После госпиталя отец участвовал в боях в Молдавии, где под Тирасполем снова был ранен.

*Лейтенант Рабоче-крестьян-
ской милиции М. Сахончик.
1937 г.*

*Лейтенант
Митрофан Адамович
Сахончик. 1945 г.*

*Старший сержант М. А. Сахончик (слева) и
капитан А. П. Поташев,
секретарь парткомиссии полка.
Калининский фронт, деревня Кузьмино,
5 февраля 1942 г.*

Украинский фронт, Львовская область, село Луковец, июль 1944 г. Советание командного состава дивизии.
В третьем ряду — лейтенант Сахончик,
во втором ряду крайний справа — капитан Мостовой.

6/III-44 Оперировали р. Вислу. На левом берегу
делали мост у пруда
6-11/III Совершили мари в направлении города Сонцево
Немцы оперировали Вислу-отвесотенные бои
12/III За переходы Вислу из окружения и зашли
Немцы с обратной стороны. Бой длился 13-14/III
14/III 44 Четверть раза победил под артиллерией. Два вечера
рела прямой наводки с танками. Утром
получил назначение замкомбата во ВТ-Н. т.к.
Мостовой был ранен. До боя я не дошел
ранен из автомата в левое бедро. Потерял
сознание. Разведчики из другой части
сделали индивидуальным наметом перевязку и
на плацдарме покартыделом тислили в ложину
на КМ. Получилась удачно-из санроты
крябля подвода на которой меня и на-
равили в санроту. В санротке сделали

Для отца, замполита второго батальона 527-го стрелкового полка 118-й стрелковой дивизии, война закончилась в 1944 году — после тяжёлого ранения в ногу на Сандомирском плацдарме в Польше, когда он, со взводом из маршевого пополнения, пробивался в свой батальон. Его вынесли с поля боя возвращавшиеся с задания конные разведчики. Отец вышел из кисловодского госпиталя уже после Победы. Вернулся домой хромя, с палочкой и тощим вещмешком, где был трёхдневный офицерский паёк и немудрёные гостинцы жене и детям.

Он не стал генералом, не набрал полную грудь орденов и не привёз трофеев. Привёз с войны три ранения и два ордена (они его нашли уже в госпитале).

Он просто честно провоевал в пехоте (где средняя продолжительность жизни лейтенанта на передовой — по послевоенной статистике — не превышала двух недель, а солдат больше трёх раз в атаку не ходил) и остался жив.

Их было много, лейтенантов Отечественной войны — и выживших, и героически погибших, и без вести пропавших на бесчисленных полях сражений.

Человеческая жизнь коротка, и они уходят от нас, бывшие лейтенанты той, давно отгремевшей большой войны. Давно нет в живых и моего отца, и его боевых товарищей. Но человек жив, пока о нём остается память.

Так давайте их помнить. Всегда, а не только 9 мая! Пусть пожелтевшие фронтовые фотографии навечно хранятся в семейных альбомах, а внуки и правнуки, с гордостью перебирая боевые награды в старой шкатулке, будут помнить, какой кровью они добыты.

ОДНА АТАКА ГЕНЕРАЛА ФЫНЬ ПО

История российско-китайских отношений насчитывает немало ярких случаев, когда приходилось вместе сражаться против общего врага. Это относится и к участию советских добровольцев в войне Китая с Японией. Одним из наиболее значительных эпизодов той войны является успешная атака японского аэродрома и базы снабжения ВВС на Тайване (Формозе).

Для китайцев Вторая мировая война началась намного раньше, чем для Европы, а именно — с нападения японцев на китайских солдат на мосту Лугоуцяо близ Пекина 7 июля 1937 года. Дальше завязались ожесточённые бои с большими потерями в людях и технике с обеих сторон. Японские войска, благодаря преимуществу в технической оснащённости и обученности частей, теснили китайцев на всех фронтах. Руководство Гоминьдана обратилось к правительству СССР с просьбой об оказании помощи.

И она была немедленно оказана: в Китай через границу потоком пошли боевая техника, стрелковое вооружение, а главное — военные советники и добровольцы. Были среди них и лётчики, помогавшие китайцам осваивать советские истребители И-15 и И-16 и бомбардировщики СБ, тем более что в Китай ранее уже поставлялись самолеты Р-5 и У-2 и китайские лётчики были знакомы с пилотированием и техническим обслуживанием машин советского производства. Была отлажена и система ремонта техники.

Среди лётчиков, направленных в Китай в ноябре 1937 года, было также подразделение из 150 человек (31 пилот, 31 штурман, бортовые стрелки и авиатехники) под командованием капитана Фёдора Полынина на новейших тогда скоростных бомбардировщиках Туполева СБ-2.

Для конспирации китайцы стали называть Фёдора Полынина «генералом Фынь По», а на фюзеляжи и крылья самолётов нанесли бело-голубые опознавательные знаки ВВС

Гоминьдана.

Это подразделение сразу же включилось в боевую работу. К тому времени японская авиация уже понесла большие потери в технике, и Япония была вынуждена закупать самолёты и боеприпасы в странах Европы. Из-за активных действий китайской авиации свою базу снабжения, на которой концентрировались авиатехника, вооружение и громадные запасы горючего, японцы оборудовали на острове Формоза (Тайвань), откуда они перелетали в Шанхай.

Получив такие сведения от китайской разведки, полковник Павел Рычагов, командовавший советской авиагруппой в Китае, принял решение о

проведении операции по разгрому базы. Подготовка проводилась в обстановке строжайшей секретности. 22 февраля 1938 года группу капитана Польшина перебросили на аэродром Наньчан, находившийся наиболее близко к Формозе. Лётчики до последнего думали, что идёт подготовка к празднику 23 февраля. Поздно вечером Польшин поставил лётному составу боевую задачу — налёт на аэродром возле города Тайбэя. Вылет на рассвете, курс — по кратчайшему расстоянию, через горы и море. Время полёта — почти восемь часов, на высоте 4–5 тысяч метров, без кислородных масок, на тысячу километров, то есть почти на предельную дальность скоростного бомбардировщика СБ-2. Малейшая неисправность любого самолёта влекла за собой катастрофу, — хорошо, что техника была ещё относительно мало изношена.

На рассвете 23 февраля, когда бомбардировщики уже готовились к вылету, недалеко от аэродрома появилась группа японских самолётов. Если бы они атаковали аэродром, то вся авиация на нём была бы гарантированно уничтожена — бомбардировщики стояли с полной заправкой и подвешенными бомбами и не могли ни взлететь, ни рассредоточиться. К счастью, японцы отвернули в сторону.

28 бомбардировщиков взлетели с аэродрома Наньчан,

*Герой Советского Союза
Фёдор Петрович Полюнин*

бомбардировщики перестроились в боевой порядок и открыли бомболюки.

Японцы не ждали налёта: они знали о недостаточном радиусе действия китайских бомбардировщиков и не предполагали такой дерзости. Зенитки не находилась в боевой готовности, на аэродроме шла обычная работа — собирали и облётывали прибывшие морем в ящиках самолёты, заправляли и ремонтировали технику. Готовые самолёты были выстроены линейкой в два ряда. Громадные склады и ангары, хорошо видимые сверху, тянулись на километры.

Удар с воздуха был неожиданным и сокрушительным. Серебристые СБ с пологого пикирования сбросили фугасные и зажигательные бомбы. Аэродром покрылся разрывами, запылали самолёты, ангары и баки с горючим, начали взрываться боеприпасы. На земле творился сущий ад. Облако чёрного дыма поднялось на сотни метров.

Сбросив бомбы, СБ без помех легли на обратный курс. Через три часа они без потерь приземлились на аэродроме Ханькоу.

Вся операция заняла семь часов нечеловеческого напряжения на пределе возможностей людей и техники. Ведь в слу-

выстроились в колонну и взяли курс на Формозу. Летели на большой высоте, в разрежённом воздухе, почти без наземных ориентиров. Погода была на удивление ясной, и бомбардировщики благополучно долетели до пролива. Дальше — над морем, без ориентиров, только по компасу и счислению.

На горизонте показались очертания гор острова Формоза. На подлёте к Тайбэю

чае неисправности двигателя сесть на вынужденную было некуда — горы и море исключали даже малейший шанс.

На аэродроме Ханькоу царило ликование — китайцы из сообщений радио узнали об успешной бомбёжке. На торжество прибыла даже Сун Мэйлин — жена президента Чан Кайши, в то время являвшаяся неофициальным шефом китайской авиации. Был дан званый ужин, китайцы испекли специальный торт, на котором был по-русски написано: «В честь РККА. Лётчикам-добровольцам».

Результаты бомбардировки ещё уточнялись, но предварительные итоги были уже ясны — уничтожены десятки готовых к вылету самолётов, много самолётов сгорело в контейнерах, уничтожен трёхлетний запас авиационного горючего, склады боеприпасов и запасных частей. Погибло и много военнослужащих.

В Японии был объявлен траур, губернатора острова сняли с поста, командир базы был отдан под суд, комендант аэродрома сделал себе харакири. В Токио царил паника, даже на бирже упали котировки японских акций. Японская авиация на фронте резко и надолго сбавила активность.

Во всем мире эта операция имела громадный резонанс. Руководитель операции капитан Ф. Полынин получил звание Героя Советского Союза и был произведён в полковники. Даже сам полёт на предельную дальность, на несовершенной технике того времени и без средств аэронавигации, уже был подвигом.

Советские лётчики-добровольцы на этой войне совершили ещё немало подвигов, но рамки статьи не дают возможности об этом рассказать. В память о них в городе Ухань сооружён обелиск, в музее авиации города Ханькоу есть стенд, рассказывающий об этой знаменитой атаке на Формозу.

Портрет генерала Фынь По есть в китайских учебниках истории и сегодня. Китайцы об этом помнят, а вот у нас вряд ли кто знает о той войне, за исключением профессиональ-

ных историков и энтузиастов-одиночек. Да и писали об этом у нас очень мало, а мемуары участников давно стали библиографической редкостью.

МАТРОС С «НАХОДКИ»

Во время войны на море отнюдь не все совершают громкие и заметные подвиги, попадающие на страницы газет и в мемуары флотоводцев. Есть такие морские специальности, о представителях которых редко пишут, но, тем не менее, на их счету немало славных дел. Это — морские спасатели, аварийно-спасательная служба флота. Они поднимают затонувшие корабли и подводные лодки, работают на больших и малых глубинах в акваториях портов и военно-морских баз, устраняют последствия пожаров и радиационных аварий. Среди них особое место занимают водолазы. Мне в 1983 году пришлось участвовать в одной из спасательных операций АСС Тихоокеанского флота в бухте Чажма (залив Стрелок Японского моря) и работать с ними. Это были громадного роста мичманы, участники подъёма кораблей пакистанского флота из реки Карнапхули, раз-минирования порта Читтагонг в 1977 году и других громких и не очень спецопераций Военно-морского флота. Они круглые сутки, посменно, спускались под воду, герметизировали корпуса двух затопленных во время пожара кораблей. Тяжёлая и опасная мужская работа. Корабли подняли. С тех я всегда с большим уважением отношусь к ним и их нелёгкой и опасной работе.

Об одном из них, водолазе войны 1945 года, и пойдёт речь.

После завершения боевых действий с Японией совет-

ский флот приложил значительные усилия для устранения минной опасности. В 1945–1946 годах тральщики Тихоокеанского флота очистили полосу прибрежных вод Северной Кореи от американских донных мин. Американская авиация в июле-августе 1945-го ставила мины с индукционными взрывателями (М-9 и М-11), акустические (А-3 и А-5) и индукционно-гидродинамические (А-6). У порта Расин (Нанджин) было поставлено 420 мин, у порта Сейсин — 208, у Сейкосин — 19 и у Гензан (Вонсан) — 139 мин, причём у Гензана последняя постановка была проведена 11 августа 1945 года, что можно объяснить только просчётом нашей дипломатии, которая не обеспечила интересов флота при заключении в Ялте соглашения о вступлении СССР в войну и допустила образование разрыва между зонами сухопутных войск и флота.

Самоликвидация мин должна была произойти через 140–200 суток после постановки. К тому же мины были обнаружены и вне районов, переданных нам 30-м авиакорпусом США, и если бы не тральные работы советского флота, то десантные операции в северокорейских портах пришлось бы отложить не менее чем на полгода.

Американские мины являлись основной причиной потерь корабельного состава ТОФ во время боевых действий с Японией. 9 августа у Расина на минах повреждены два торпедных катера типа «А-1» (погибло 4 и ранено 5 человек). 14 августа у Расина на mine подорвался и был повреждён тральщик «Т-279» (погибло 2 и ранено 27 человек). 15 августа на минах подорвались: у Сейсина — тральщик «Т-280», у Расина — транспорты «Сучан», «Камчатнефть» и танкер «№ 1».

16 августа у Расина погиб на mine торпедный катер «ТК-565» (погибло 4 и ранено 10 человек), там же подорвались и получили повреждения пограничный катер типа МО-4 — «ПК-42», и тральщик «Т-281», вторично — транспорт «Сучан». У Сейсина подорвались и были повреждены транспорты «Ногин» и «Дальстрой». 19 августа у Сейсина подорвался

и погиб гидрографический моторный катер (один член экипажа погиб и один ранен). 23 августа у Гензана подорвался тральщик «Т-277» (ранено 12 человек). 26 августа у Расина в третий раз подорвался транспорт «Сучан».

После окончания войны флот продолжал там нести потери: погибли гидрографическое исследовательское судно «Партизан» и гидрографический катер «ГОК-22» у Гензана. Тральщикам Тихоокеанского флота для обеспечения судоходства у корейских берегов понадобилось пройти с тралями 16769 миль, а с учётом бомбометания — 26500 миль, сбросить 21372 глубинные бомбы для уничтожения 416 мин: у порта Расин — 184, Сейсин — 90, Сейкосин — 4 и у Гензан — 138 мин.

В таких условиях пришлось вести работу водолазам Тихоокеанского флота, обнаруживая и обезвреживая мины, выставленные американцами и японцами в корейских портах. Были и жертвы.

Один из участников тех событий Анатолий Александрович Булгаков, в прошлом матрос-водолаз со спасательного судна ТОФ «Находка», поделился своими воспоминаниями.

Он родился в селе Жариково Тамбовского района Амурской области 6 декабря 1927 года. Был призван на флот в 1944 году, закончил электромеханическую школу на Русском острове, затем курсы водолазов и прослужил на «спасателях» до 10 марта 1951 года.

Бригада АСС (в/ч 20293) дислоцировалась тогда на 37-м причале Владивостокского порта. Командовал бригадой капитан первого ранга Кроль.

Спасательное судно «Находка», на котором довелось служить матросу Булгакову, было относительно небольшим — 50 м длиной, 15 м шириной и 800 т водоизмещением, двигатель паровой, на угле. На юте находилась и небольшая двухместная барокамера для водолазов-глубоководников. Вооружение — одна 45-миллиметровая пушка и два пулемёта «Браунинг» калибра 12,7 мм.

Многие матросы и старшины на корабле служили ещё с довоенных времен, и Булгаков среди них был самым молодым по возрасту. Однако занятия классической борьбой до призыва на флот здорово ему помогли. Особенно зауважали, когда он уложил на лопатки всех старослужащих. Да и особой дедовщины в то время не было — война уравнивала всех.

О работе спасательного судна «Находка» известно не так много, фотографий самого судна найти не удалось. От одного из ветеранов АСС ТОФ, капитана 3-го ранга Ю. Ткачёва, было получено такое короткое сообщение:

«31 августа 1943 года во время ночных торпедных стрельб в заливе Америка, из-за нарушения командиром подводной лодки «Щ-128» правил навигации, лодка на полном ходу нанесла таранный удар в борт другой лодки — «Щ-130».

Командир «Щ-130» В. Стеценко, видя неизбежность удара, успел задраить люк рубки и отдать команду «аварийная тревога». В результате столкновения лодка получила пробоину размером 1 метр на 30 сантиметров в прочном корпусе и затонула на глубине 38 метров, зарывшись кормой на 6 метров в ил. В аварийном кормовом отсеке остались старшина группы трюмных И. С. Орлов и старшина 2-й статьи В. Носик.

Воздушный пузырь, оставшийся в затопленном смесью воды и топлива отсеке, некоторое время позволял им дышать и, ныряя, они смогли закрыть клапаны осушения трюма. Когда подошло спасательное судно «Находка» и к лодке спустились водолазы, стало ясно, что на подъём корабля потребуется не менее пяти часов, и надежда на спасение двух запертых моряков пропала. 2 сентября «Щ-130» была поднята. Люди погибли».

В августе 1945 года корабельная группировка Тихоокеанского флота под командованием адмирала Юмашева вышла в море для проведения десантной операции по захвату корейских портов и уничтожению японского флота. Вышла

в море и «Находка». Три дня в штормовых условиях корабли десантной группировки пробивались к Корее.

Ветеран вспоминал, что для несения вахт на боевых постах приходилось даже привязываться.

Затем, после артподготовки и авиационных ударов, началась высадка десантов. Завязались кровопролитные бои, закончившиеся поражением и капитуляцией японских войск.

«Находка» подходила к порту Гензан в составе третьего эшелона десантных сил. Катер «морской охотник», патрулировавший район, сообщил, что неподалёку находятся якорные и плавучие мины. Командир приказал сбавить ход и выставил впередсмотрящих с биноклями. Принятые меры оправдались — через час была обнаружена плавающая мина, качающаяся на волнах. Её, с третьего выстрела, уничтожили комендоры бакового орудия. На месте мины поднялся громадный столб воды, по судну гулко ухнул гидродинамический удар.

Судно вошло на рейд Гензана. Горел город и портовые сооружения, повсюду слышались выстрелы: десантники добивали несдавшихся японцев. Командованием флота была поставлена задача по обследованию акватории порта и дна у причалов, где могли быть японские мины. Водолазы судна сразу приступили к работе, причём работали и в легководолазном снаряжении, и — на глубоких участках — в «трёхболтовках»¹. К счастью, японцы не успели заминировать причальный фронт на глубине, и с работой справились обычные сапёры. А авиационные донные мины американцев пришлось разминировать уже тральщикам и катерам «морским охотникам», используя глубинные бомбы.

Дальше «Находка» переходила из порта в порт (Юки,

¹ Трёхболтовка - снаряжение для безопасного погружения в воду, классический водолазный костюм. Медный водолазный шлем крепится к манишке тремя болтами (отсюда название).

Расин, Сейсин), занимаясь своей опасной работой по обнаружению мин, обследованию и подъёму повреждённых боевых кораблей.

Эта работа длилась ещё несколько месяцев, после чего судно вернулось во Владивосток

За участие в войне Анатолий Александрович был награжден медалью «За победу над Японией». Служба на флоте продолжалась до 1951 года. Затем была работа электромонтером в городе Свободном, женитьба, учёба в институте. С 1977-го по 1997-й трудился инженером в городских сетях «Амурэнерго». А став пенсионером, ещё пятнадцать лет работал слесарем по ремонту котельных, делясь опытом с молодыми специалистами. Трудовую деятельность закончил лишь в 85 лет. Крепка оказалась флотская закалка.

ОДИН ИЗ ПИЛОТОВ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

Уже почти семь десятилетий прошло с тех пор, как отгремела война на Корейском полуострове, в то время засекреченная, а ныне почти забытая. Стираются в памяти минувшие бои, уходят из жизни их ветераны. Другие войны и потрясения в жизни страны заслоняют те события. Но иногда происходят случайные встречи, которые неожиданно возвращают в далёкое прошлое...

Оказалось, что отец моего коллеги по работе был лётчиком, воевавшим в Корее в 1953 году. Посмотрев пожелтевшие от времени документы и фотографии того времени, я понял, что судьба приоткрыла мне историю жизни незаурядного человека, достойного сына своего времени, представителя того ушедшего поколения, которое вынесло на своих плечах страшную тяжесть не одной войны.

Скупые строчки автобиографии гласят:

Семёнов Дмитрий Васильевич родился 24 октября 1918 года в с. Богородицкое Ухоловского района Рязанской области. Русский. После окончания школы в 1936 г. занимался в

*Реактивный истребитель
МИГ-15 бис*

аэроклубе. Потом — Серпуховская военная авиационная школа летчиков, которую окончил в 1940 году. Был направлен на Дальний Восток в морскую авиацию. Начал службу в сентябре 1940 года младшим лётчиком в 45-м истребительном авиационном полку, в то время воору-

жённым истребителями И-15 бис и И-16. В составе полка на истребителе Як-9 принимал участие в войне с Японией, уже в качестве командира звена. Полк обеспечивал воздушное прикрытие боевых действий кораблей Амурской флотилии и базировался на аэродромах Маньчжурии. Награждён медалью «За победу над Японией».

После войны Семёнов служил в различных частях морской авиации Тихоокеанского флота в должности командира эскадрильи. В 1951 году был назначен помощником командира 781-го истребительного авиаполка ВВС ТОФ, дислоцированного на аэродроме Унаши Приморского края (ныне Золотая Долина). В то время полк летал на американских истребителях Р-63 «Кингкобра» — последних самолётах, полученных по программе ленд-лиза.

После переучивания на реактивную технику (истребители МиГ-15 бис) полк был направлен в специальную командировку в Корею, где находился с февраля по октябрь 1953-го. Полк, под командованием подполковника Н. Снопкова, входил в состав 216-й истребительной авиационной дивизии 64-го истребительного авиационного корпуса, уничтожившего за войну 1106 вражеских самолётов (37,6% от всех сбитых самолётов). На боевом счету полка, дислоцированного на аэродроме Аньдун (впоследствии на Мяогоу и Дапу), было 12 сбитых (один F-84 «Тандерджет», остальные — F-86 «Сейбр») и 7 повреждённых самолётов.

Майор Дмитрий Семёнов

плектовался лётчиками морской авиации, имевшими налёт по 30–50 часов, что было совершенно недостаточно для уверенного владения машиной. Для сравнения: американские пилоты имели минимальный налёт на «Сейбрах» по 200 часов. Тем не менее люди сражались и побеждали.

В тех боях капитан Д. Семёнов со своим ведомым, старшим лейтенантом А. Куцыгиным, одержал две победы.

В литературе приводится эпизод, когда они путём резкого маневрирования заставили столкнуться на выходе из пикирования два «Сейбра» 335-й эскадрильи, которые были записали на их счёт как повреждённые.

В тех тяжёлых боях полк потерял 9 самолётов и 5 лётчиков.

После окончания Корейской войны, завершившейся подписанием перемирия в Паньмыньчжоне, полк вернулся в Унаши. Капитан Семёнов за участие в войне получил орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Дружбы КНР. Начала поступать новая техника — самолёты МиГ-17, МиГ-19, — пошло переучивание лётчиков. Морская авиация и в то время не знала покоя — вела борьбу с американскими самолётами-разведчиками в районе Охотского моря и Курильских островов. Участвовал в ней и 781-й полк.

Майор Семёнов, как опытный лётчик, в 1955 г. был пе-

Период с февраля 1953 года и до окончания боевых действий был особенно сложным. К концу войны американцы получили новейшие модификации самолётов «Сейбр» F-86E и F, превосходившие наши МиГ-15 бис по ряду показателей, что придавало войне в воздухе ещё более ожесточённый характер. Кроме того, полк ком-

реведён в формирующуюся истребительную авиацию ПВО страны, служил на командных должностях, был руководителем полётов, передавал свой богатый боевой опыт молодым пилотам. Был уволен в запас в декабре 1959 года.

Но на пенсии посидел недолго — небо его не отпускало. И вот, уже в должности старшего инспектора-летчика Амурского обкома ДОСААФ, он снова летает. Затем, пройдя обучение, с 1963-го по 1970-й работает старшим диспетчером службы движения Благовещенского аэропорта. Ветераны аэропорта ещё помнят, как он спас аварийный пассажирский самолёт Ил-18 со ста пассажирами, посадив его на военный аэродром города Завитинска, что категорически запрещалось в то время. На самолёте, летевшем из Хабаровска, отказал двигатель, аэропорт Благовещенска не мог его принять по метеоусловиям, а до запасного аэродрома гражданской авиации он бы просто не дотянул. И старший диспетчер принял решение, противоречащее инструкциям, но спасшее жизнь людям.

Умер Д. В. Семёнов в 1991 году. Семья бережно хранит его документы и награды.

ТРАГЕДИЯ ШХУНЫ «УНГО»

Впервые я услышал об этой истории ещё во время службы на флоте. Морское посыльное судно «Моржовец», куда я был временно прикомандирован в качестве врача, вышло из Владивостока в Тихий океан для обеспечения пилотируемых полётов с Байконура по программе «Эллипс» (была такая при СССР). Точка нашей плановой дислокации находилась где-то в районе атолла Уэйк, так что «топать» было весьма прилично. Кратчайший курс для выхода в Тихий океан лежал через японский Сангарский пролив.

Экипаж «Моржовца» был военным, командир — капи-

тан-лейтенант. Сам пароход был из крупной серии гидрографических судов польской постройки. Кстати — с великолепными мореходными качествами: резво бегал и хорошо «отыгрывался» на волне. Такие суда до сих пор ещё сохранились в российском флоте.

Как только мы подошли к японским терводам, сразу в воздухе появился патрульный самолёт Р-2 «Нептун» и, по-свистывая турбовинтовыми движками, начал облёт судна. А через пару часов на горизонте замаячила чёрная точка, постепенно принявшая очертания японского ракетного эсминца «Амацукадзе». Затем эсминец зашёл нам с кормы и пристроился параллельным курсом в паре кабельтовых. Агрессивных намерений не выказывал, но вид баковых 127-миллиметровых орудий особого оптимизма не внушал.

Во время обеда в кают-компани командир БЧ-5, кивнув на видневшийся по левому борту серый силуэт эсминца, сказал:

— А вот шарахнул бы он сейчас по нам парой снарядов — и всё, пошли бы рыб кормить.

— Да ну, не война ведь, — степенно ответил старпом. — Да и оружия у нас нет, и флаг не военный.

— А ты что, про «Унго» забыл? Там тоже флаг не военный висел, — вмешался в разговор штурман (тоже капитан-лейтенант, но уже в годах).

— Вы бы, товарищи офицеры, поосторожней про «Унго»-то! — заметил командир — А то наших гражданских товарищей до смерти напугаете, а нам ещё месяц в походе быть. Вдруг, понимаешь, духом ослабнут.

Вечером я зашёл в каюту штурмана и спросил про «Унго». Тот немного помялся, но всё же вкратце рассказал, что это было советское гидрографическое судно, которое в конце 50-х обстреляли корейцы. Погибло несколько человек. Дело мутное, засекреченное, и распространяться об этом особо не стоит. На том мы и расстались.

После было не особенно приятно созерцать из иллюми-

*Разведывательный ко-
рабль «ГС-34»
(гидрографическое судно
«Унго»)*

натора орудия «Амацукадзе», который сопровождал нас до конца пролива.

Духом, мы, конечно, не ослабли и в походе работали как надо. На обратном пути нас тоже сопровождали — эсминец «Аянами» и самолёт береговой охраны. А загадочное слово «Унго» засело в памяти — до поры до времени.

Недавно, перечитывая очередные материалы для статей про Корейскую войну, я снова наткнулся с интернете на это слово. И начал поиски... Материала нашлось немного, но главное о той давней трагедии удалось выяснить.

Итак, вернёмся в декабрь 1959 года, когда разведывательный корабль Тихоокеанского флота «ГС-34», имевший для прикрытия статус гидрографического судна и наименование «Унго», под командованием капитан-лейтенанта Александра Борисовича Козьмина находился в походе в Японском море — у восточного побережья Кореи, в Восточно-Корейском заливе.

В этот раз корабль выполнял обычный разведывательный поход, осуществляя разведывательное обеспечение безопасности возвращения репатриантов из Японии в Северную Корею.

Вечером 28 декабря штормило, была малая видимость. В 19 часов погода улучшилась. Командир БЧ-1 Э. Щукин по приказанию командира корабля чаще стал определять местоположение корабля. Быстро темнело, на корабле усили-

ли визуальное наблюдение, несли вахту на постах радио- и радиотехнической разведки. С целью обеспечения скрытности ведения разведки активная радиолокационная станция не выключалась. До северокорейского берега было 30 миль, а до побережья Южной Кореи и того больше — 36 миль (ширина территориальных вод КНДР равна 12 миль, Южной Кореи — 3 мили).

Вдруг по правому борту «Унго» в небо взвились ракеты, и почти в то же мгновение огненная трасса прочертила небо, устремляясь к кораблю. Командир корабля был твёрдо уверен в месте своего корабля и в том, что корабль не нарушил территориальных вод иностранного государства, а следовательно, этот залп не мог носить даже предупредительный характер.

«ГС-34», не имея на борту вооружения, вынужден был отвернуть на 90° и начать отходить ещё дальше от берега. На корабле включили один из прожекторов, и рулевой-сигнальщик матрос Г. Копанев, пользуясь международным сводом сигналов, начал непрерывно подавать в сторону берега сигнал «Чем вызван обстрел?» Прошло несколько напряжённых минут, и вдруг наши моряки увидели силуэты трёх кораблей без ходовых огней и каких-либо других опознавательных знаков. Корабли быстро приближались к «ГС-34». Один из них шёл прямо на судно и через несколько минут был опознан как малый противолодочный корабль «большой охотник». Командир «ГС-34» приказал направить один из прожекторов на гидрографический флаг СССР, развевавшийся над кораблём (под этим флагом с 3 августа 1959 года ходили разведывательные корабли ТОФ), а вторым прожектором, вахту на котором нес Александр Шестернин, — освещать приближающийся к нему иностранный корабль. В 20.40 «большой охотник» приблизился к «ГС-34» на дистанцию 45–50 кабельтовых и без каких-либо предупреждений дал по безоружному «ГС-34» четыре очереди из 40-миллиметровых автоматических установок. Дистанция между

кораблями в этот момент была настолько мала, что не разглядеть на «ГС-34» гидрографический флаг СССР было невозможно. После этого катер отвернул и ушёл в темноту. В результате огня был разбит компас, повреждены радиоантенна, шлюпка, труба и корпус корабля, разбит спасательный плотик; один из снарядов попал в носовой кубрик.

«ГС-34» уменьшил ход и лег в дрейф. Катер вновь приблизился к кораблю и открыл огонь. Снаряды рвались на палубе, один снаряд попал в ходовую рубку, командира корабля отбросило взрывной волной, а помощник командира корабля капитан-лейтенант А.П. Новомодный и рулевой-сигнальщик Ю. Фёдоров были ранены. Снаряды продолжали поражать корабль.

В момент взрыва снаряда в рубке рулевой-сигнальщик матрос А. С. Кажаяев, стоявший вахту на руле, успел броситься в ту сторону, где находился командир, и заслонил его своим телом. Матрос был убит наповал, получив прямое попадание снаряда в живот. Тяжёлые ранения получили сигнальщик В. Казанцев и рулевой А. Белкин, но ни тот, ни другой не покинули свои посты. Всё это время раненый сигнальщик Г. Копанев продолжал освещать флаг своего корабля. Когда «охотник» вновь близко подошёл, наши моряки разглядели его номер «205» и корейский литер.

Катер, подержав луч прожектора на советском флаге, неторопливо ушёл в сторону и скрылся в темноте. Ушли во тьму и два других корабля, лежавшие в дрейфе поодаль. Во время обстрела весь экипаж держался храбро. Никто не покинул своих постов, радист поддерживал непрерывную связь с Владивостоком, а в машинной команде, где в это время было особенно тяжело нести вахту, не зная, что происходит наверху и что угрожает кораблю, ни один из мотористов ни на минуту не покинул своего поста.

В район инцидента вылетели самолёты Ил-28, по тревоге из военно-морской базы Стрелок был послан дежурный эсминец, который принял на борт тело убитого матроса А.С.

Кажаева и раненых моряков для доставки их в военно-морской госпиталь. «ГС-34» («Унго») был взят на буксир и доставлен в базу. Погибший матрос похоронен на Морском кладбище во Владивостоке.

По этому инциденту была направлена нота протеста МИД СССР правительству Южной Кореи. ТАСС заявил, что впредь при подобных акциях суда «пираты» будут уничтожаться. Южнокорейские власти заявили о своей непричастности к инциденту и были готовы предоставить кинодокументы, зафиксировавшие нападение катеров Северной Кореи на советское судно.

Позже, по уточнённым данным, было установлено, что кораблём-пиратом был северокорейский малый противолодочный корабль «№ 205» типа «БО-1», полученный от СССР в начале 50-х годов (бывший американский типа SC-1, вооружение — одно 40-миллиметровое орудие и три 20-миллиметровых зенитных автомата). В советской печати о причастности к инциденту кораблей КНДР нигде не писалось. Кроме опубликованной в газетах 31 декабря 1959 года ноты протеста об этом инциденте были две публикации: в газете «Советский флот» от 31 декабря 1959 года и в журнале «Советский моряк», № 2 за январь 1959 года, но и в них вся вина возлагалась на Южную Корею.

В дальнейшем отремонтированный корабль «ГС-34» ещё в течение 13 лет, до 1972 года, нёс боевую службу. Командир корабля Александр Борисович Козьмин в 1960 году получил под своё командование разведывательный корабль «Измеритель», затем, в 1971 году, — «Забайкалье». Служил старшим офицером в разведуправлении ТОФ и в 1982 году закончил службу в звании капитана первого ранга на должности заместителя начальника школы мичмановтехников ВМФ в Киеве. Жил в Киеве и умер в 2001 году.

Инцидент был замят и не отразился на наших тогдашних отношениях с КНДР. Надо сказать, что в то время из-за неурегулированных с мировыми странами и соседями во-

просов о ширине территориальных вод власти КНДР нервно реагировали на любое, как им казалось, нарушение их границ. Тем более что северокорейские ВМС не всегда придерживались общепринятых правил поведения военных судов в море, так как имели приказ применять оружие против «чужих кораблей», действуя по принципу «Сначала стреляй, а потом разбирайся». Это и привело к тому, что они буквально расстреляли безоружное советское судно.

Разведывательный корабль «ГС-34» («Унго»), тип — шхуна, построен в 1954 году на верфях Штральзунда (ГДР) в составе крупной серии судов для рыболовного флота (как СРТ-4197). 9 мая 1955 года на шхуне был поднят государственный флаг СССР и присвоено наименование «Унго».

В 1955 году судно Северным морским путём перешло на Тихий океан и вошло в состав ТОФ как посыльное. С 1956 года шхуна отнесена к подклассу посыльных судов и получила наименование «ГС-34» (позже Лоц-75), а наименование «Унго» оставлено как легендарное. В 1957 году судно было отнесено к кораблям 3 ранга специального назначения. Под разными наименованиями оставалось в строю 38-й бригады особого назначения ТОФ до 1972 года и в 1973-м было списано и сдано на слом.

Я, в ходе своей флотской службы, много встречал однотипных с «Унго» судов. Это были и рыбацкие траулеры, и транспортные и разведывательные корабли. Один был даже вооружён по типу малого противолодочного корабля и часто торчал в качестве брандвахты на выходе из бухты Золотой Рог. Но вообразить себя на борту маленького безоружного кораблика, безнаказанного расстреливаемого в ночи у чужих берегов, — выше моего понимания.

И в этом свете героизм наших моряков, не дрогнувших под снарядами на безоружном судне, — пример поведения в чрезвычайной ситуации. Правда, и матросы тогда были другие — из довоенного поколения.

ДВЕ ВОЙНЫ МИЧМАНА СКУБКО

В одном из ноябрьских номеров амурского еженедельника «В мире тайн» за 2007 год была опубликована статья С. Молодова «Трагедии бухты Чажма», в которой рассказывалось о малоизвестной катастрофе — взрыве реактора атомной подводной лодки «К-431» на судоремонтном заводе в Приморском крае. Это произошло в 1985 году, ещё до Чернобыля, и только спустя десятилетия, когда был снят гриф секретности, стало известно о последствиях того взрыва.

И вот откликнулся один из очевидцев и непосредственных участников ликвидации катастрофы, бывший боцман лодки «К-431», старший мичман Николай Васильевич Скубко, прослуживший на этой лодке с 1978 по 1985 год и знавший её до последней заклепки. Мы с автором статьи встретились с Николаем Васильевичем на его скромной квартире в 3-м микрорайоне Благовещенска. Приветливый, симпатичный человек, сохранивший военную выправку, рассказал нам подробности взрыва, а также — с затаённой болью и обидой — о своих мытарствах после увольнения с военной службы. То, что он рассказал нам о своих «хождениях по мукам», может служить темой для целой повести или судебного дела для юристов.

Тот августовский взрыв разорвал жизнь старшего мичмана Скубко на две части, на две войны, в одной из которых он боролся за корабль и за свою жизнь с огнём и радиацией, а во второй (самой затяжной) — с чиновниками из Министерства обороны.

Война первая

В полдень 10 августа 1985 года тяжкий грохот взрыва на атомной подлодке «К-431», стоявшей у пирса судоремонтного завода, пронёсся над бухтой Чажма.

Моряков, проводивших регламентные работы на реакторе, разорвало в клочья и разбросало по бухте. Над заводом и

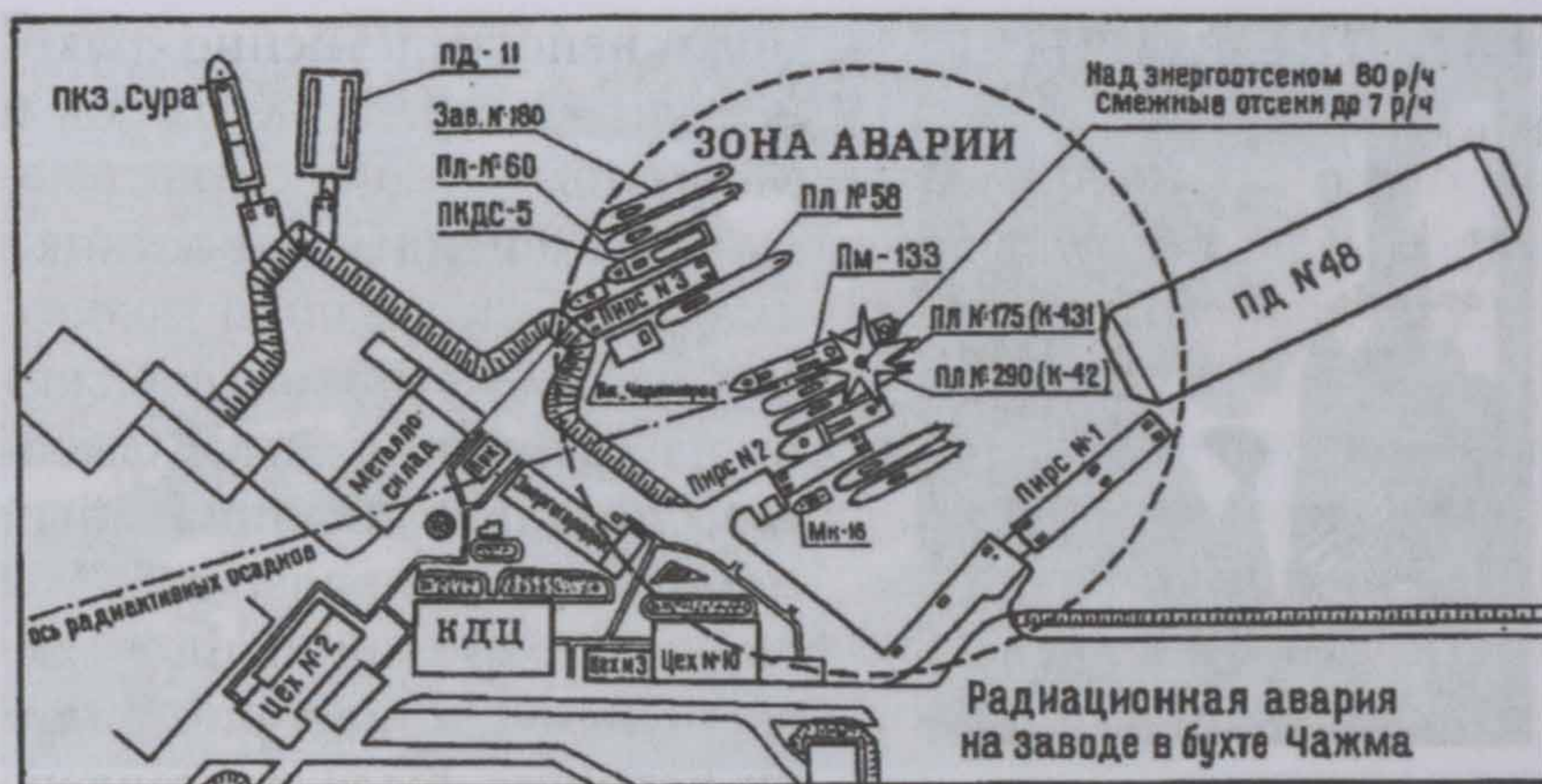

Схема завода в бухте Чажма, где произошла авария

сопками поднялось грибообразное облако. Из разорванного корпуса подлодки рвались огонь и бурый дым, резко запахло озоном. Лодка, получив пробоину в прочном корпусе ниже ватерлинии, начала тонуть.

Экипажи соседних кораблей, пожарные и рабочие завода бросились сбивать пламя и бороться за живучесть лодки. Никто из них не знал, что уровень радиации достигал 90 тысяч рентген в час и превышал допустимые пределы в 830 раз! Люди боролись с огнём в чём были, без специальных средств защиты, получая громадные дозы радиации.

Лишь спустя несколько часов был налажен дозиметрический контроль и первичная обработка. С людей сбивали волосы и давали кружками спирт — так рассказывал Николай Васильевич, с первых минут участвовавший в ликвидации аварии. Во время взрыва погибли его друзья — капитан 2-го ранга Целуйко и капитан-лейтенант Дедушкин. Сам мичман Скубко с матросами и мичманами, стиснув зубы, собирал радиоактивные останки людей по бухте, выкладывая их на брезент на отмели, срезал с корпуса искорёженные взрывом детали и леера, собирал заражённый грунт и детали. Рабо-

*Николай Васильевич Скубко.
на встрече ветеранов*

тами непосредственно руководили адмиралы Храмцов и Мормуль.

Потом найденные останки людей кремировали и захоронили в 50-метровой скважине на гранитном мысе Сысова, поставив официальный мемориал в Павловске. Сама лодка, повреждённый реакторный отсек которой залили бетоном, была поставлена вместе со списанной ранее лодкой «К-42» на отмели у

острова Путятина. Видимо, уже навечно исключённая из состава ВМФ, со снятым флагом.

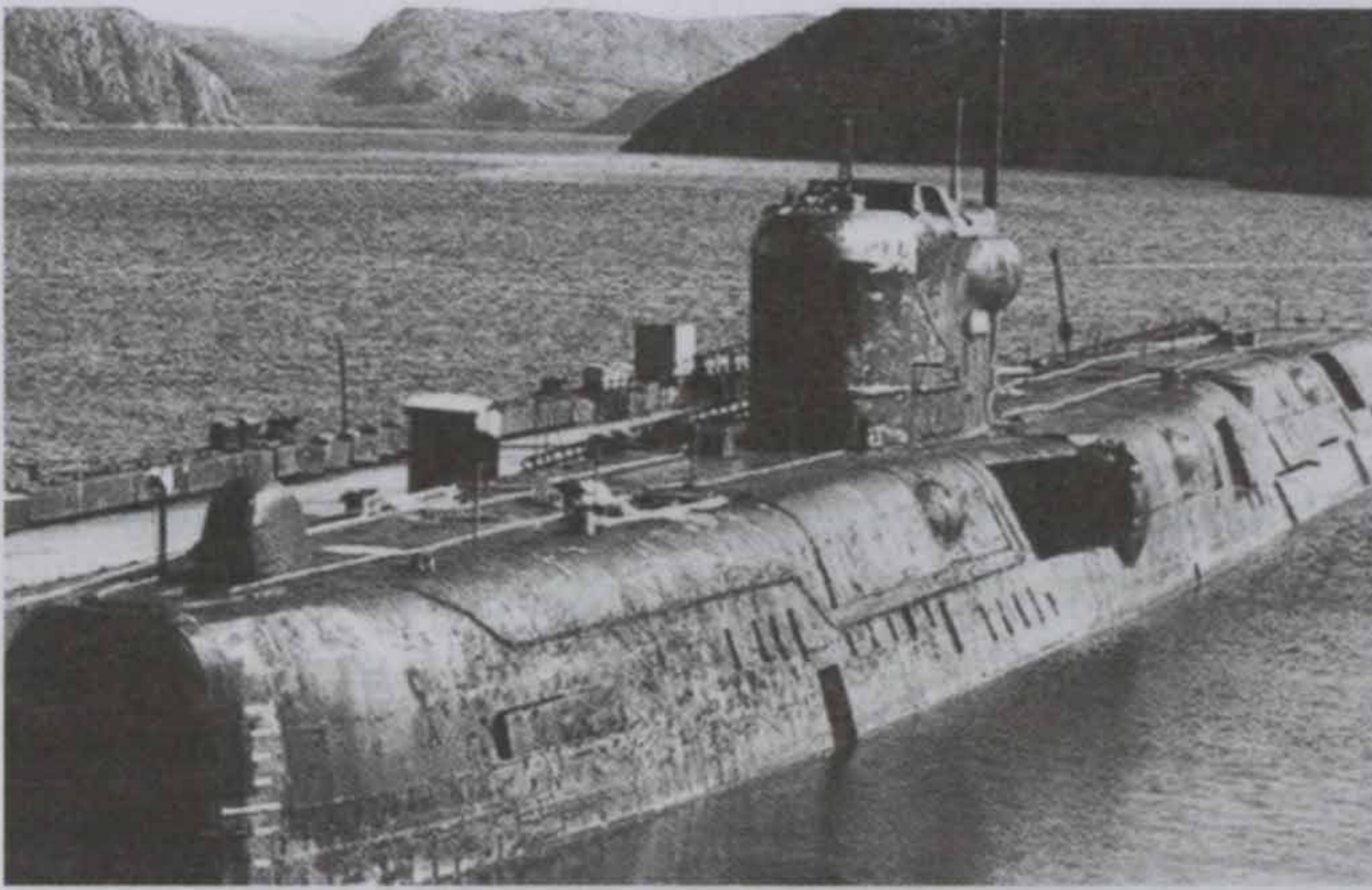
В 2000 году на ней усилили бетонную заливку реактора и подвели более мощные понтоны, поставили датчики, ведущие постоянный мониторинг уровня радиации.

Кстати, по данным приморской журналистки Н. Барабаш, в посёлке Ракушка Ольгинского района таких вот бесхозных лодок стояло аж семь штук.

Мичман работал до тех пор, пока не свалился сам, и уже без сознания оказался в госпитале. Там его поставили на ноги, сняв внешние признаки лучевой болезни и признав годным к дальнейшей службе на подводном флоте.

После завершения спасательных работ весь экипаж «К-431» без всякого медицинского обследования перевели на другую лодку («К-48»), на которой старший мичман Скубко продолжил свою боцманскую службу. Кстати, он рассказал, что на эту лодку перенесли и ряд механизмов с взорвавшейся лодки, в частности один из перископов. Вместе с радиацией, надо полагать!

В то время часты были боевые службы и автономные плавания в Индийском и Тихом океанах, в Красном море и

Подводная лодка К-431 после пожара

Персидском заливе. Это была реальная война нервов. Лодки этого проекта на нашем флоте называли «раскладушками» (за поднимающиеся контейнеры для ракет) и «ревущими ко-ровами» — за сильный шум, производимый под водой и хорошо слышимый противолодочным кораблям и лодкам противника, а экипажи советских надводных кораблей из 8-й и 10-й оперативных эскадр относились к ним с молчаливым уважением, как к смертникам.

Николай Васильевич рассказывал, что был и момент смертельного риска, когда лодка всплыла в Персидском заливе, демонстративно открыв контейнеры крылатых ракет недалеко от авианосца «Америка». Подобные вещи случались в те годы и с другими кораблями: такое уж тогда было время — шла «холодная война», и на Ближнем Востоке и в Африке сталкивались интересы двух сверхдержав. Не до себя тогда было, хотя и стал мичман часто и неожиданно терять сознание: начали сказываться последствия облучения. Много времени проводил по госпиталям, и в 1990 году был комиссован по состоянию здоровья.

Казалось, человек, отдавший Родине и Военно-морскому флоту лучшие годы и потерявший здоровье на боевой службе, должен быть окружён вниманием и беспрепятственно получать заслуженные льготы, положенные ему по закону и

по совести. Но не тут-то было! Всё приходилось буквально выбивать, вырывать у военных чиновников. Нужно было кормить семью, поднимать троих детей. И мичман снова начал войну!

Война вторая

Как это ни странно звучит для нормального человека, но Николаю Васильевичу, не раз и подолгу лежавшему в специальном центре в Санкт-Петербурге, ещё и пришлось доказывать, что он является ликвидатором радиационной аварии именно на «К-431», что его болезни напрямую с этим связаны и что ему положены определённые законом льготы. Долго (почти 4 года) пришлось доказывать, что он является ветераном подразделений особого риска (кстати, до сих пор даже не все его товарищи по экипажу имеют такие удостоверения).

Ведь авария на «К-431» случилась до Чернобыля и, как у нас водится, была «наглухо» засекречена, с людей (первым делом!) взяли подписки о неразглашении, а часть секретных документов просто уничтожили по описи. И как теперь доказывать? Все мытарства, пройденные Николаем Васильевичем, в наглядном отображении составляют два больших полиэтиленовых пакета с пачками документов. Некоторые из этих документов представляют собой шедевры бюрократического творчества и заслуживают отдельного упоминания. Например, заключения различных медицинских экспертных комиссий, касающиеся заболевания лёгких.

До сих пор он не может получить медаль «Ветеран Вооружённых сил» и орден Мужества, хотя все соответствующие приказы и удостоверения у него есть. Специализированные медицинские комиссии он должен проходить в Санкт-Петербурге, в воинской части, а её недавно расформировали. Положенную ему как инвалиду «Оку» он получил только благодаря лично губернатору Санкт-Петербурга Матвиенко (дай ей Бог здоровья!). Морально поддерживают

его и друзья по экипажу, а также адмиралы Храмцов и Мормуль (тоже уже далеко не здоровые люди). От них, да ещё от своей дружной семьи и от жены, настоящей русской женщины, черпает мичман силы для дальнейшей борьбы.

А недавно ветеран получил новый «подарок» от родного государства — с июля 2007 года ему снизили пенсию на 30%. С горьким смехом Николай Васильевич рассказал, как от него прячутся сотрудники и руководители облвоенкомата. Даже письмо в администрацию Президента РФ в 2006 году не возымело действия.

Мы не можем в рамках этой статьи рассказать обо всех мытарствах бывшего подводника, потерявшего здоровье на службе Родине, — наверное, это дело для профессиональных юристов. Кто тут виноват и в какой степени — мы решать не вправе.

Ведь и чиновники Министерства обороны (в погонах и без них) тоже действуют по законам и приказам — в этом серьёзном ведомстве самодеятельность не поощряется. Другое дело, что все эти законы и приказы как-то слишком часто не совпадают с простым человеческим понятием о справедливости или исходят из каких-то других, неведомых нам, государственных интересов.

Мы сами — в прошлом моряки, прошедшие не одну боевую службу в тех же местах. И тогда, в восьмидесятых, так же как и мичман Скубко, и тысячи других моряков из 8-й и 10-й оперативных эскадр, были готовы пожертвовать своей жизнью за Отечество! А вот сейчас, зная, что нас после этого ждёт, — вряд ли. Кто из нынешних и будущих российских военных сможет рисковать жизнью при таком отношении к инвалидам и ветеранам военной службы? Наверное, ещё не раз подумает, прежде чем рискнуть. Смогут ли защитить Родину нынешние наёмные бойцы — тоже большой вопрос...

А ведь они, ветераны и инвалиды военной службы, просят лишь то, что им положено по закону. Но многие военные чиновники (которые, кстати, тоже когда-то станут пенси-

онерами) зачастую считают ветеранов кучкой вздорных и скандальных стариков, требующих невесть чего и желающих пустить по ветру родное Министерство обороны! По крайней мере, так оно со стороны смотрится.

Наверное, поэтому старший мичман в отставке Скубко и продолжает свою вторую войну — из чувства несправедливости и обиды! Мы невольно чувствовали какую-то вину перед ним, за то что растревожили старые воспоминания, замечая, как у ветерана дрожит голос, когда он вспоминает о погибших при взрыве и умерших от болезней друзьях, как тяжело ему вспоминать этот страшный взрыв на родной лодке. Вместе с ним воюют с Министерством обороны за свои права и другие участники катастрофы — гражданские жители посёлка Дунай и рабочие судоремонтного завода в общем количестве 2209 человек, которых просто взяли да и исключили из числа пострадавших при аварии «К-431» приказом командующего ТОФ от 29.04.1999 г. № 229.

(Очерк написан в соавторстве с С. П. Молодовым)

КАЗАЧЬЯ КРОВЬ

Несколько лет назад на очередном правлении Амурского окружного казачьего общества мы принимали в организацию ещё одного человека. Это был худощавый, подтянутый (чувствовалась военная косточка) мужчина средних лет. Услышав его фамилию, я сразу насторожился: совсем недавно я готовил очерк по истории Зазейского восстания 1924 года, и эта фамилия была мне хорошо знакома, так как встречалась в списке казаков — руководителей повстанцев. И действительно, майор запаса, ветеран Афганистана Анатолий Корженевский приходился прямым родственником тем ка-

закам, восставшим вместе с крестьянами против непосильной продразвёрстки...

История многочисленного казачьего рода Корженевских уходит далеко в прошлое, где тесно переплетаются польские, украинские и российские корни. Казаки Корженевские, происходящие из запорожцев Гетманщины, проживали издавна в Полтавской губернии, в Золотоношском уезде. Оттуда они и двинулись с семьями в 1901 году осваивать Дальний Восток. Поселили казаков в приамурской станице Николаевской, дав вдоволь плодородной чернозёмной земли. И стали казаки Корженевские служить в Амурском казачьем войске, разделив со станичниками их нелёгкую приграничную жизнь...

Большая и трудолюбивая семья быстро освоилась на новом месте. Отстроились, зажили своей жизнью дети, служили в 1-м Амурском казачьем полку сыновья. Участвовали в Русско-японской войне, затем на фронтах Первой мировой. Прадед нашего героя, старший урядник 1-го Амурского казачьего полка Тимофей Иванович Корженевский, пал за веру, царя и Отечество в 1916 году на Юго-Западном фронте, где-то в далёких Карпатах. На его последнем фото изображён храбрый черноусый казак, на которого правнук удивительно похож.

Грянула революция, затем Гражданская война, японская интервенция. Развела судьба казаков по разные стороны, брат сражался с братом. Да и после окончания Гражданской не было покоя в казачьих станицах.

В 1924 году, возмущённые непосильной продразвёрсткой, амурские казаки и крестьяне подняли восстание, вошедшее в историю Дальнего Востока под названием Зазейского. В первых рядах восставших были и братья Корженевские. Николай Иванович командовал всеми вооружёнными силами Амурской повстанческой армии, его ближайшими сподвижниками были его братья Калинин, Никита и Игнат. Бои с красноармейцами и чекистами развернулись в нескольких

*Капитан А. Корженевский
после Афганистана*

уездах, но силы красных, с артиллерией и бронепоездами, превосходили возможности повстанцев. Восстание было жестоко подавлено, волна репрессий прокатилась по всему Приамурью.

Много казаков и крестьян успели уйти с семьями через Амур в соседний Китай.

По-разному сложилась и судьба семьи Корженевских: кто погиб в стычках с пограничниками, кто вернулся по амнистии и позднее сгинул в лагерях. Но семья жила, как жило большинство казачьих семей Приамурья, принимая беды и радости вместе со страной...

Воевали в Отечественную, поднимали страну из послевоенной разрухи, растили детей. Потомки этого старинного казачьего рода проживают до сих пор в Приамурье.

Анатолий Корженевский родился в 1959 году в Благовещенске. Окончив среднюю школу, потомок казаков избрал военную стезю — поступил в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище, которое закончил в 1981 году. Командовал учебным взводом мотострелковой дивизии в Князь-Волконке под Хабаровском. В 1983 году, после нескольких рапортов министру обороны, получил направление в Афганистан.

Под Кандагаром начались боевые будни командира разведвзвода 70-й отдельной мотострелковой бригады лейтенанта Корженевского. Разведка, перехват душманских караванов с оружием, отражение атак на колонны, рейды по горам. И бесконечные бои, кровь, потери товарищей. Война

на передовой продолжалась до 1985 года.

Офицер был награждён медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды — награды, которые даются только за личное участие в боях. Капитан Корженевский, начальник разведки батальона, после двух ранений и контузий был переведён для дальнейшего прохождения службы в Прикарпатский военный округ командиром парашютно-десантной роты. 70-я отдельная ордена Красной Звезды десантно-штурмовая бригада дислоцировалась в городе Хыров Львовской области.

Так судьба привела казака на Украину, на родину предков.

Затем была служба на переднем крае «холодной войны» — в Группе советских войск в Германии. Здесь капитан Корженевский служил в оперативном отделе дивизии. Офицера, прошедшего войну, назначили в отдел боевой подготовки — передавать оплаченный кровью боевой опыт.

Но вот грянули горбачёвская перестройка, поспешный вывод советских войск из Германии на Украину, расформирование части. Майор запаса покинул службу в 1995 году и перебрался в родное Приамурье. Здесь была его родина, здесь воевали и погибали за свои убеждения его прадеды-казаки, здесь было его родовое гнездо.

И работа нашлась быстро — Анатолий Викторович стал инспектором охранного предприятия. Мужской коллектив (преимущественно тоже бывшие военные), оружие, ответственность за объекты, разбросанные по области, — всё было знакомо и привычно. И в руководстве организации ветеранов Афганистана стал далеко не последним человеком среди боевых братьев. Но казачья кровь брала своё, и Анатолий Викторович вступил в реестровое Амурское окружное казачье общество. Ему был присвоен чин есаула.

Он всегда с волнением следил за событиями, творящимися на Украине, где остались друзья и сослуживцы. Киевский Майдан 2013 года Корженевский встретил с тревогой, он слишком хорошо знал, чем это может кончиться. Дальше

события нарастали стремительно: Крым, восставший Донбасс, бои под Славянском, где плохо вооружённые ополченцы противостояли украинской армии и озверевшим «правосекам».

И когда запылал весь Донбасс, боевой офицер не смог спокойно усидеть на месте — слишком многое связывало его с Украиной, где сейчас в ополчении сражались с последышами бандеровцев его сослуживцы по Афганистану, добровольцы из России и донские казаки.

И вновь, как и много лет назад, он добровольно отправился на войну. Боевой опыт общевойскового командира был по достоинству оценён командованием ополчения — он был назначен начальником штаба батальона, который ещё предстояло сформировать.

Батальон «Амур», как и все стихийные формирования ополчения, не был похож на привычное армейское подразделение — костяк его составляли российские добровольцы-дальневосточники, бывшие военные с боевым опытом «горячих точек»; к ним присоединялись луганские ополченцы и донские казаки. Отбор был строгим: брали только специалистов, участников войн.

Вооружение батальона было самым разным: трофейные украинские танки Т-64 и Т-72, БМП и бронемашины разных типов, самоходные миномёты «Нопа», испытанные боями гаубицы Д-30 и безоткатные орудия, 23-миллиметровые зенитки, установленные на многоцелевых лёгких бронетранспортёрах МТ-ЛБ (афганский опыт) и переносных зенитных ракетных комплексах разных систем. На боевое слаживание бойцов отводилось совсем немного времени — считанные недели, но в бой батальон вступил уже подготовленным подразделением, где каждый знал своё место, этим выгодно отличаясь от разношёрстных отрядов ополчения.

Ветераны-офицеры своё дело знали, и штаб батальона без сна и отдыха готовил людей и технику к боям. Батальон

«Амур» по своему составу и насыщенности боевой техникой превратился в мощное танково-артиллерийское подразделение с задачей огневой поддержки пехоты ополчения. Перед выходом на передовую православный священник отслужил молебен и освятил технику и оружие.

А бои не заставили себя ждать. Штурм и взятие Новодмитровки и Хрящеватого, сражение за Луганский аэропорт, когда «Градами», тяжёлыми миномётами и танками пришлось выбивать иностранных наёмников, «правосеков» и украинских десантников из бетонированных глубоких подземелий под взлётно-посадочной полосой, охрана гуманитарных конвоев и много других боевых эпизодов — таков военный путь есаула Анатолия Корженевского.

Нередко и самому, как в Афгане, приходилось брать в руки автомат, становиться к орудью или корректировать на передовой огонь гаубиц и миномётов батальона. Его позывной «Кандагар» хорошо знали в луганском ополчении.

Благодаря профессионализму добровольцев и высокой степени организации работы штаба батальон «Амур» за месяц напряжённых боев не потерял убитыми ни одного человека, только двое бойцов получили ранения. Повреждённая техника быстро вводилась в строй. Наступление ВСУ на Луганщине было отбито, напряжение боёв несколько снизилось, ополчение за это время получило значительное пополнение из обученных бойцов, техники и тяжёлого вооружения, и добровольцев решено было распустить по домам.

Анатолий Викторович вернулся домой, к своей привычной работе. Но продолжал внимательно следить за обстановкой на Украине. И хотя после заключения Минских соглашений и разгромных для украинской армии «котлов» фронт несколько стабилизировался, бои на Луганщине не стихают.

И потомственный амурский казак, есаул Анатолий Корженевский, не посрамивший боевой славы своих предков и традиций русских добровольцев, снова, как и много лет

назад, вместе со своими испытанными товарищами готов в случае необходимости встать боевой строй. Казачья кровь даёт себя знать...

Казачьему роду нет переводу. Висят на ковре шашка и нагайка, бережно хранятся в семейном альбоме пожелтевшие фотографии дедов и прадедов из тех далёких времен.

Стоит лишь приглядеться к старой фотографии урядника 1-го Амурского казачьего полка Тимофея Корженевского, павшего в боях за веру, царя и Отечество в прошлом веке, и на нынешнюю фотографию его правнука, как замечаешь их поразительное сходство. И понимаешь: казачья кровь — это не просто слово, она на века!

ЦВЕТОК МОТОРОЛЫ

Эту трогательную историю я услышал недавно от одного из бывших ополченцев Донбасса. Он назвал себя Артёмом.

Штурмовой батальон «Спарта» после жестокого боя в районе Снежного был отведён на короткий отдых и пополнение. Взвод противовоздушной обороны, в котором служил Артём, располагался на окраине города, в полуразрушенном здании какой-то мастерской, подальше от жилой застройки, чтобы не подставляться под огонь украинской артиллерии мирных жителей. Туда же стянули и захваченную у ВСУ боевую технику, в том числе и повреждённую.

Там были танки Т-64, БМП и БТР с пробоинами в бортах и следами огня и крови, иные без башен и колёс. Вид их был ужасен. Поэтому, чтобы не пугать местных жителей и вездесущих ребятишек, когда будут эту технику через села везти на ремонтную базу в Донецк, решили как-то её отмыть, подкрасить, закрыть пробоины, натянуть маскировочные сети.

Артём, весь перемазанный в масле и краске, возился воз-

ле своего бронетранспортёра МТ-ЛБ с зенитной установкой, когда заметил, что к ним направляется женщина с тележкой и маленьким мальчиком. Ополченцы старались не контактировать с гражданскими людьми, особенно в местах своей дислокации в прифронтовой полосе. Да и разведка ВСУ имела везде глаза и уши.

Поэтому Артём, как был заросший, в грязной спецовке, с автоматом, направился к женщине, испуганно остановившейся. Навстречу ему побежал ребёнок, белобрысый мальчонка лет пяти.

Артём остановил его, спросил, что они тут делают. Оказалось, что мать с ребёнком шли к своему разрушенному снарядом дому, чтобы достать из погреба уцелевшую еду и найти в развалинах кое-что из зимних вещей.

— Дядя солдат, а что вы тут делаете? — спросил парнишка, глядя на Артёма наивными голубыми глазами.

Артём не сразу нашёл, что и ответить.

— Да мы тут... к празднику машины украшаем. Знаешь, ведь и у солдат тоже бывают праздники.

— Мама, а дяди солдаты к празднику готовятся! Можно, я им помогу украшать?

Женщина испуганно глянула на Артёма, прижала сына к себе.

— Потом, сыночек, потом, сейчас надо за продуктами сходить. Артём её поддержал:

— Завтра приходи, вместе будем украшать. Я тебе дам в кабине посидеть.

Артём знал, что завтра утром их батальон с техникой уходит отсюда на основную базу, поэтому и не придавал своим словам особого значения. Мать с мальчиком ушли...

Рано утром часовой остановил и привёл к командиру батальона Арсену Павлову, легендарному Мотороле, двух мальчишек с большой полосатой китайской сумкой. В младшем из них Артём узнал вчерашнего мальчонку. Ополченцы с любопытством столпились возле неожиданных гостей.

**Комбат Арсений Павлов
(Моторола)**

— Дядя командир, мы вот вам принесли цветочков и кустиков — машины украшать к празднику! — храбро заявил старший.

Комбат недоумённо посмотрел на ребят, и Артёму пришлось ему всё сказать.

Павлов сразу правильно оценил ситуацию.

— Ну ладно, хлопчики, доставайте свои подарки! Сейчас все будем технику украшать.

И парнишки достали из сумки бумажные цветочки и кустики, раскрашенные акварельными красками, и протянули их бойцам. Ополченцы, у которых, в большинстве своём дома остались дети, подозрительно зашмыгав носами, брали эти изделия своими огрубевшими от войны, в заусенцах и мозолях, пальцами и засовывали их в карманы потрёпанных камуфляжных курток.

Один большой цветок комбат бережно положил в нарукавный карман куртки с нашивкой «Спарты» и осторожно закрыл клапан.

— Ну, спасибо, хлопчики, сейчас мы будем машины украшать, а потом поедem на праздник. Но сначала и мы вам в ответ подарки сделаем... Артём, сейчас сходи с ребятами на кухню, покорми, возьми там тушёнки и сгущёнки, потом отвезёшь пацанов на моей машине в город к мамкам. Поди, уже с ума сходят. А мы тут пока украшаться будем.

Накормив ребят до отвала гречневой кашей с мясом и компотом, повара принесли два туго набитых консервами

и хлебом вещмешка в машину, на которой Артём и развёз ребят по домам. Ему едва удалось успокоить зарёванных мамаш: оказывается, ребята весь день на чердаке вырезали и раскрашивали цветы и кустики и под утро тихонько, без спроса, смылись из дома.

Поблагодарив матерей за таких храбрых ребят, Артём быстро вернулся в расположение батальона, где уже вытягивались в колонну боевые машины и трейлеры с битой вражеской техникой. Две наскоро отремонтированных трофейных БМП с покрашенными белыми полосами ВСУ и свеженанесёнными тактическими знаками батальона «Спарта» на бортах тоже были в колонне.

Батальон, громыхая гусеницами, в клубах выхлопа соляра и пыли просёлочной дороги шёл на базу в Донецке, чтобы, немного отдохнув, снова ринуться в бой, на самое острие атаки.

А в карманах бойцов и на приборных досках боевых машин лежали наивные детские подарки, преподнесённые от всей ребячьей души. От пацанов Донбасса, за будущее которых они проливали свою кровь в жестоких боях с потомками бандеровцев.

Когда погиб легендарный комбат «Спарты» подполковник Арсений Павлов, в нарукавном кармане его окровавленной камуфляжной куртки нашли немного выцветший и помятый бумажный цветок.

Артём с семьёй ныне живёт в России. А война на Донбассе всё ещё продолжается...